

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КТО КОГО ПРОУЧИЛЪ?...

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢСТВІИ,

Графини Е. Ростопкиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА ЧЕРНИЦКАЯ, молодая вдова.

ТЕТУШКА ЮЛІЯ РОМАНОВНА, старая дѣва.

ГРАФЪ ЗВОНСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ, художникъ.

Дѣйствіе происходитъ зѣтомъ, на Черной рѣчкѣ.

Утро. Дача на Черной рѣчкѣ; садикъ, въ которомъ разставлены чугунные диваны и кресла, много цвѣтовъ, столъ; съ одной стороны балконъ дачи, занимаемой Черницкою, съ другой калитка, ведущая въ садикъ графа; въ глубинѣ рѣка и дверь съ набережной. Елена Петровна сидитъ на диванѣ съ одной стороны сцены, графъ развалился въ креслахъ съ другой; при поднятiи завѣсы, оба громко и продолжительно зѣваютъ.

I.

ГРАФЪ. А... ахъ! что это сегодня такъ жарко!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Жарко, вы сказали?.. Напротивъ, по мнѣ такъ что-то холодно... Вѣтеръ съ моря... Можетъ-быть даже и ледъ не совсѣмъ еще прошелъ съ Ладожскаго озера и теперь наноситъ намъ эту тяжелую погоду.

ГРАФЪ. Помилуйте!.. У насъ сегодня 27-е iюня, а ледъ проходитъ всегда въ половинѣ мая, или много, много къ его концу (*молчанiе*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*опять зѣвая*). 27 iюня?.. Уже?.. Я и не воображала, что такъ поздно... Стало быть; скоро 1-е iюля, день гулянья въ Петергофѣ... А будетъ ли тамъ въ нынѣшнемъ году праздникъ?

ГРАФЪ. Еще не объявлено... да и въ городѣ никто о томъ не знаетъ... кто говоритъ да, кто говоритъ нѣтъ—не разберешь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А вы какъ полагаете?

ГРАФЪ (*опять зѣвая разспянно*). Я?.. я ничего не полагаю... а впрочемъ, скорѣе готовъ думать, что нѣтъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Нѣтъ?... не будетъ? Почему?

ГРАФЪ. Да такъ, мнѣ кажется... вотъ и все..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, какъ жаль!

ГРАФЪ. Жаль?.. Вамъ-то что... неужели вы такъ любите гулянья?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не всѣ, но этотъ праздникъ имѣетъ какую-то особенную прелесть и грандиозность... По-крайней-мѣрѣ, тамъ забываешь скуку, чувствуешь, что живешь.

ГРАФЪ. А усталость?.. а пыль, а данка—развѣ вы ихъ считаете за ничто?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*пожимал плечами*). Вы забыли прибавить — день безъ обѣда, или съ обѣдомъ налегкѣ, не въ пору, безъ обыкновенныхъ гастрономическихъ утонченностей?.. вѣдь это для васъ чувствительнѣе всего?..

ГРАФЪ. Правда!.. Я человѣкъ положительный, составленный изъ привычекъ и связанныхъ ими; я дорожу своимъ комфортомъ.. я люблю свой уголокъ... Всѣ шумныя веселости, блестящія удовольствія хороши только на одинъ разъ, пока новы; посмотришь, полюбишься, и любопытство утолено.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Развѣ все хорошее и пріятное въ жизни хорошо и пріятно только на одинъ разъ? Развѣ умъ и сердце человѣческіе такъ тѣсны и бѣдны, что ихъ неостанетъ на отрадное впечатлѣіе, когда оно повторено?..

ГРАФЪ. Развѣ умъ и сердце участвуютъ въ удовольствіи, доставленномъ намъ какимъ бы то ни было гуляньемъ? Развѣ серьезный человѣкъ дастъ свѣтскимъ удовольствіямъ и вообще свѣту самому что-нибудь больше, чѣмъ свое любопытство и свой досугъ?.. Развѣ не должно приберегать умъ и сердце для своей внутренней жизни, для домашняго счастья, для отношеній, обязанностей и чувствъ, которыми наполняется и осмысливается наше существованіе?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*иронически*). Иные такъ удачно приберегаютъ свое сердце, что оно никогда въ нихъ и не выскажется и не покажется, а на свой умъ они скупы, вѣроятно потому, что никого достойнаго около себя не находятъ, съ кѣмъ бы имъ подѣлиться!..

ГРАФЪ. Иронія?.. должно быть на мой счетъ!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Почему же иронія?.. Общее замѣчаніе, афоризмъ!..

ГРАФЪ. Обшія замѣчанія у женщинъ всегда относятся исключительно къ чьей-нибудь личности. Афоризмы у нихъ выраженіе какой-нибудь мысли, которую онѣ не хотятъ объяснить вполнѣ, но желаютъ передать косвенно, намекомъ... Намекъ былъ направленъ на меня. Я принимаю его по адресу!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Можете... я не оправдываюсь!

ГРАФЪ. Признаться, было бы мудрено! (*снова молчаніе; Елена Петровна принимается курить папироску*).

ГРАФЪ (*вставая и подходя къ ней*). Позвольте вашего огня?.. (*закуриваетъ свою сигару у ея папироски*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Моего огня?.. Это что?.. То же иронія?..

ГРАФЪ. Боже мой! слова нельзя сказать, чтобъ вы къ нему не придрались!.. На васъ сегодня не угодишь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не всегда ли вы упрекаете меня въ излишней пылкости, въ моей восторженности и пламенности? Что жъ мудренаго, что слова (*вашъ огонь*) показались мнѣ новою нападкою? (*вздыхая*) Я къ нимъ привыкла.

ГРАФЪ. Какое смиреніе! А между-тѣмъ, разсердившись за этотъ несчастный и неумѣстный огонь, о которомъ я уполянулъ, право, совершенно безнамѣренно, вы еще разъ доказали... (*останавливается*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Доказала?.. ну, что же?.. договаривайте, ради Бога, что я доказала?..

ГРАФЪ. Сколько огня въ васъ самихъ, потому-что онъ вспыхиваетъ отъ одной искры!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*сердито*). Ахъ, опять!.. Увольте, пожалуйста, отъ всѣхъ этихъ насмѣшекъ!.. ужъ и безъ того мнѣ ужасъ какъ скучно!

ГРАФЪ. Вамъ всегда скучно! Я это слышу отъ васъ сто разъ на день... Ужели вамъ и вправду такъ скучно?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ досадою*). Скучно!.. скучно! скучно!.. День ото дня скучнѣе и тошнѣе!..

ГРАФЪ (*флегматически*). Отчего?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*вскакивая съ волненіемъ*). Не отчего?.. спросите лучше отъ кого?..

ГРАФЪ (*спокойно*). И спрашивать не стану!.. Очевидно, что тоже отъ меня, потому-что вы каждый день *меня* видите, и никого такъ часто не видите, какъ меня.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Слава Богу, догадались!.. Ну, да!.. мнѣ скучно, потому-что я только и вижу предъ глазами вашу скучную и скучающую физиономію... только и слышу, что ваши рѣчи, насквозь пропитанныя скукою, и ваши разсужденія, въ которыхъ опять дышитъ эта вѣчная, убійственная скука! Никакая веселость, никакое хорошее расположеніе не устоитъ противъ васъ!.. Отъ васъ такъ и вѣетъ холодомъ: вы меня живую заморозили.

ГРАФЪ (*очень хладнокровно*). Долгъ платежемъ красенъ!.. Я захожу въ васъ слишкомъ много огня; вы упрекаете меня за мою холодность... Знаете, однако, что вѣдь это все-таки симпатія между-нами. Да, самая глубокая симпатія, я не шучу!.. И какъ ни парадоксально кажется вамъ сначала мое предложеніе, вы увидите, какъ оно справедливо, когда я вамъ его разовью. Да, у одного изъ насъ двухъ преобладаетъ то, чего именно недостаетъ у другаго. Въ васъ огонь,

чтобъ разогрѣть мою холодность, во мнѣ ледъ, чтобъ погасить въ васъ излишнюю пылкость... Мы съ вами двѣ силы, одна отрицательная, другая положительная; соединенныя вмѣстѣ онѣ даютъ нѣчто цѣлое, полное единства и гармоніи. Вдвоемъ мы пополняемъ одинъ другаго!.. (*Елена Петровна дѣлаетъ знакъ отрицанія*) Вы не находите?.. напрасно!.. По моему, честное слово, — мы созданы другъ для друга, — вы для меня, я для васъ!.. (*Елена Петровна отворачивается съ досадою*) А, вы отъ меня отвернулись... за что же?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Отвяжитесь... вы надоѣли мнѣ!!

ГРАФЪ (*низко кланяясь*). Покорно благодарю!.. Но вѣдь это тоже не новость! Ровно въ десятый разъ сегодня слышу я отъ васъ эту любезность, и вы мнѣ ее столько же разъ, если не больше, скажете до вечера. Такъ бываетъ всякій день! Это ужъ въ домѣ вашемъ принятый обычай!.. А такъ-какъ я три года постоянный посѣтитель вашего дома, то не угодно ли вамъ самимъ сосчитать, сколько разъ въ жизнь мою я слышалъ отъ васъ эти слова: вы мнѣ надоѣли!.. мнѣ съ вами скучно!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. И считать не стану, не-зачѣмъ, — не довольно занимательно!.. Видно, однако, слишкомъ мало еще твердила и повторяла я эти истины, потому-что...

ГРАФЪ. Потому-что я все здѣсь и до-сихъ-поръ продолжаю надоѣдать вамъ?.. То ли вы хотѣли сказать, Елена Петровна?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*молчитъ, глядя на него пристально*).

ГРАФЪ. Молчаніе значитъ согласіе!.. Вы согласны въ томъ, что мнѣ давно слѣдовало бы понять вашу волю и избавить васъ отъ моей особы и моего присутствія?.. Повинуюсь!.. (*беретъ свою шляпу, идетъ къ дверямъ сада и снова возвращается*) Я ухожу, Елена Петровна... Прощайте!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Прощайте!

ГРАФЪ. Стало-быть, вы меня гоните?.. Но вѣдь это только лишній трудъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Что это значить?

ГРАФЪ. Завтра, не позже какъ завтра, вы же за мною пришлете, я это заранѣе предвижу.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Каково самолюбіе!!

ГРАФЪ. Развѣ этого не случилось нѣсколько разъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Положимъ, что я бы и прислала за вами, что это доказывать?.. что вы мнѣ нужны, чтобъ достать ложу, или перемѣнить книги...

ГРАФЪ. Зачѣмъ бы то ни было, а все-таки я бы вамъ пригодился.

Я ваш фактотумъ и разсылный; вамъ безъ меня не обойтись, никакъ не обойтись! Такъ не лучше ли мнѣ не уходить, чтобъ не причинять себѣ и вамъ двойныхъ хлопотъ: мнѣ отиравляться, разсердившись, а вамъ посылать за мною, чтобъ помириться?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Несносный, сто разъ несноснѣйшій человекъ!.. Сердить меня, бѣсить, какъ ребенка, а самъ притомъ остается спокоенъ и невозмутимъ, какъ сфинксъ египетскій предъ порывами самума!..

ГРАФЪ. Несносенъ, скученъ, неуклюжъ и тяжелъ, все, что вамъ угодно, но я безъ васъ, и вы безъ меня жить не можемъ!.. Намъ ужъ такъ предопредѣлено!.. Мы во вѣкъ не разстанемся. Мое мѣсто здѣсь, при васъ. Моя цѣль въ мѣрѣ—служить и угождать вамъ во всю жизнь мою. (*опять садится*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*подходя къ нему*). Во вѣкъ не разстанемся?.. Вотъ это я люблю! Точно будто не въ моей волѣ разстаться съ вами?..

ГРАФЪ (*отрицательно, но спокойно качая головою*). Не думаю, Елена Петровна!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вотъ забавно!.. А развѣ я не могу уѣхать?..

ГРАФЪ. Куда? желалъ бы знать?.. Куда бы вы ни поѣхали, я вездѣ васъ отыщу, вездѣ имѣю право васъ найти, исключая вашей Тамбовской деревни, а туда вы ни за что на свѣтѣ не рѣшитесь заглянуть, хоть бы васъ преслѣдовали всѣ докучливые и всѣ несносные люди цѣлаго свѣта!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я могу уѣхать дальше... за границу!..

ГРАФЪ. Вы очень увѣрены, что я сяду на одинъ и тотъ же пароходъ, если вы отиравитесь моремъ, или покачу за вами въ тотже часъ, если вы изберете сухопутный трактъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я могу умереть, — тогда вы поневолѣ останетесь жить, и должны будете обойтись безъ меня!

ГРАФЪ. Нисколько! Для кого и для чего мнѣ жить тогда? Я непремѣнно умру вслѣдъ за вами.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*топая ногою*). Наконецъ... я могу... да!.. я могу выйти замужъ!..

ГРАФЪ (*съ веселымъ видомъ*). Тогда, тогда-то я буду совершенно счастливъ и доволенъ!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ величайшимъ удивленіемъ*). Какъ-такъ?..

ГРАФЪ. Если вы рѣшитесь, наконецъ, выйти замужъ, то за кого же, какъ не за меня?.. Я и сомнѣваться въ томъ не могу!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. За васъ?! Вотъ это я люблю!.. Это ужъ верхъ самоувѣренности и дерзости!.. Вы думаете, что я непремѣнно должна

выйти за васъ, какъ-будто весь родъ человѣческій вымеръ на землѣ, какъ будто мнѣ не остается другаго выбора? Развѣ вы альфа и омега моей судьбы, и кромѣ васъ никто не захочетъ быть моимъ мужемъ?..

ГРАФЪ. Я не то хотѣлъ сказать; я слишкомъ хорошо знаю, что около васъ много искателей и вадыхателей; но вы сами не предпочтете мнѣ никого изъ нихъ, и выберете все-таки меня, самого вѣрнаго и надежнаго, также какъ самого преданнаго вамъ между ними.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Слушаю и не вѣрю ушамъ своимъ! Такія понятія превышаютъ всякую мѣру позволеннаго самолюбія.. я желала знать, на чемъ основывается такое мнѣніе?

ГРАФЪ (*вставая лъниво*). Елена Петровна, я слишкомъ давно васъ знаю, слишкомъ внимательно слѣдилъ за вами, чтобъ пвтать къ вамъ полное уваженіе, и на этомъ уваженіи основана моя увѣренность.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Дальше...

ГРАФЪ. Вы самая разсудительная женщина, (что нисколько не мѣшаетъ вамъ быть притомъ самой капризной. А такъ-какъ разсудительная женщина выбираетъ себѣ въ мужа того, кто болѣе другихъ ея достоинъ, кто лучше другихъ способенъ составить ея счастье, то могу ли я опасаться кого-нибудь изъ моихъ соперниковъ? Выслушайте меня, вы тотчасъ же со мною согласитесь. Сборовъ, мой двоюродный дядя и вашъ усердный поклонникъ, уничтоженъ вами и любовью; онъ богатъ, знатенъ, достоинъ всякаго уваженія, но слишкомъ старъ для васъ!.. Вы за него не пойдете!.. Каммеръ-юнкеръ, этотъ блестящій мотылекъ нашихъ гостиныхъ, милъ, любезенъ, очарователенъ, но слишкомъ молодъ! Вы не захотите ввѣрить свою участь его легко-кружимою головѣ!. Князь славный малый, благородный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ... какъ бы это выразить безобиднѣе... онъ не довольно... не довольно развитъ, какъ теперь говорится... (хотя въ немъ безъ малаго тринадцать вершковъ) не довольно развитъ!.. Да, князь вамъ не подъ-пару въ устенномъ отношеніи; вы не захотите быть *главою* вашего мужа, это обидно и неловко для умной женщины!.. Вотъ три изъ четырехъ; остается одинъ!.. И такъ, у насъ теперь на виду одинъ полковникъ, и этотъ — должно сказать правду — молодецъ въ полномъ смыслѣ слова! — Но онъ вамъ тоже не женихъ, потому-что разстроилъ все свое состояніе, и вы не рѣшитесь подвергнуть свою будущность всему, что можно ожидать отъ такого человека!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*которая слушала попеременно съ досадою и смлхоми*). Полковникъ любить игру, какъ всякій мужчина пылкій и страстный; полковникъ готовъ поставить все имѣніе свое на карту: ну,

что жъ?.. это можетъ-быть безразсудно, глупо, неосторожно, но все-таки доказываетъ въ немъ жизнь, отвагу, смѣлость; мы, женщины, прощаемъ многое такимъ людямъ : они сильнѣе и лучше многихъ другихъ способны насъ любить. Для меня есть игроки гораздо несноснѣе и ненавистнѣе: это игроки по привычкѣ, труженики клуба и преферанса, важные люди, способные просидѣть за картами по десяти часовъ сряду, соображая удачи и трудности своей коммерческой игры... Въ нихъ-то надо предполагать недостатокъ умственныхъ способностей, жизни, всего, что волнуетъ или возбуждаетъ человѣческую душу... Какъ надобно быть обиженнымъ Богомъ и природою, чтобъ не найти себѣ лучшаго средства проводить свое время!..

ГРАФЪ. И это опять на мой счетъ. Вы сердитесь за истины, которыя я высказалъ о вашихъ поклонникахъ, и мстите мнѣ за нихъ этою прекрасною сатирою противъ моихъ скромныхъ привычекъ... Но я, напротивъ, горжусь ими! Не всякій умѣетъ быть солиднымъ человѣкомъ. Я ужъ не танцую, разговаривать въ обществѣ часто не о чемъ и не съ кѣмъ, что же дѣлать, какъ не садиться отъ скуки за зеленый столъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. За которымъ вы обыкновенно просиживаете отъ девяти часовъ вечера до трехъ или четырехъ утра...

ГРАФЪ. Развѣ это мѣшаетъ мнѣ васъ любить?.. Развѣ я не жертвую вамъ этими бѣдными картами, на которыя вы, за что-то, напали; развѣ я не бросаю ихъ для васъ всякій разъ, какъ вамъ нужно или пріятно меня видѣть?.. И шутки въ сторону, развѣ я не лучший другъ вашъ на свѣтѣ, не послушнѣйшій рабъ и угодникъ вашъ во всемъ? Развѣ я не отдалъ вамъ всей моей жизни? Развѣ вы не главная, не единственная, не исключительная забота моя, предметъ всѣхъ мыслей и желаній моихъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, между завтракомъ и обѣдомъ... послѣ обѣда до преферанса!.. Покорно благодарю за такой раздѣлъ вашего досуга!.. Вы отдаете мнѣ тѣ несчастные часы, которые не знаете куда дѣвать, и не умѣете употребить съ пользою!.. Я тоже для васъ привычка, какъ всѣ прочія занятія вашей жизни... Какъ это лестно и какая спокойная и невозмутимая любовь!..

ГРАФЪ. Привычка едва ли не самая сильная, хотя невидимая цѣпь для человѣка!.. Привычка! Да это полжизни, сударыня!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*очень горько*). Можетъ-быть! Но какъ я не раздѣляю вашего мнѣнія на этотъ счетъ, то позвольте мнѣ оставаться при своемъ и не ограничивать своего честолюбія скромнымъ желаніемъ занять мѣсто въ привязанностяхъ и привычкахъ моего мужа, между его

поваромъ и партнерами, наряду съ туфлями и халатомъ... Я не чувствую въ себѣ никакого призванія къ такой роли!.. (*приспѣдаетъ насмѣшливо и уходитъ съ гнѣвомъ въ свой домъ*).

 II.

ГРАФЪ одинъ.

Вотъ тебѣ разъ!.... Опять ссора!.... Она, кажется, не на шутку разсердилась!.... Ахъ женщины, женщины!.... Кто васъ пойметъ?.... Ни съ того, ни съ сего, такъ себѣ, рассуждая дружески, изволила колоть и шинговать меня изъ всѣхъ силъ, да слово за слово, вышла настоящая досада, формальная ссора.... Но я не скажу, чтобъ это мнѣ было неприятно, напротивъ, я ужь привыкъ къ ссорамъ: онѣ иногда очень мило разнообразятъ наши свиданія.... Безъ нихъ о чемъ бы намъ было говорить?.... Другъ друга знаемъ мы давно; занятія, выѣзды, знакомства наши почти однѣ и тѣже, гдѣ взять предметъ для поддержанія вседневной бесѣды, особенно на дачѣ?.... А Елена Петровна очень умно сердится и очень нѣжно мирится! Когда мы съ нею не повздоримъ немножко, мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ.

Сегодня я доволенъ; она меня раземѣшила своею вешешкою ни за что, ни про-что.... Я въ противоположность покойному Титу могу сказать: «Я не потерялъ нынче своего дня!».... (*садится въ самоѣ покойномъ положеніи и крѣпко задумывается*).

 III.

ГРАФЪ. ТЕТУШКА ЮЛІА РОМАНОВНА.

ТЕТУШКА (*въ напудренномъ шиньонѣ и кругломъ чепцѣ, въ шелковомъ платьѣ прошлаго вѣка, съ тростью и табакеркою, чопорная, свѣженькая и миловидная старушка*). Леночка, дружокъ мой, ты здѣсь?.. Посмотри, какъ много счастья я принесла тебѣ!.. все сама нарвала въ саду, на бѣлой сирени; есть семи, девяти и даже пятнадцатилетшья.... (*оглядывается во всѣ стороны*). Леночка, да чтожъ ты молчишь?.. Развѣ нѣтъ ее здѣсь?....

ГРАФЪ (*замѣтя наконецъ тетушку, вскакиваетъ съ кресель и подходитъ къ ней*). Ахъ, Юлія Романовна!... Доброга утра! Извините великодушно мою непростительную разсѣянность, я только что замечтался и не видалъ, какъ вы вошли....

ТЕТУШКА. Ничего, ничего, батюшка, не безпокойся. Но гдѣ же Леночка? Уѣхала что-ли куда?...

ГРАФЪ. Не уѣхала, Юлія Романовна, а ушла къ себѣ.... Сію минуту она была здѣсь и только что предъ вашимъ приходомъ меня оставила.

ТЕТУШКА. Одѣвается?

ГРАФЪ. Нѣтъ, сколько могу знать.

ТЕТУШКА. У нея гости?

ГРАФЪ. Не думаю!

ТЕТУШКА (*пристально на него поглядѣвши*). Вы опять въ ссорѣ?... Не такъ ли?...

ГРАФЪ. Точно такъ, Юлія Романовна, вы угадали!...

ТЕТУШКА. Странное для меня дѣло, и чудные же вы люди!... Дня не пройдетъ у васъ безъ ссоры... Конечно, пословица поворитъ: «милые ссорятся—только тѣшатся,» и это сущая правда; и въ мое время такъ бывало на свѣгѣ, да и послѣ насъ съ тобою, вѣроятно, такъ будетъ. Даже и въ романахъ любящіеся нерѣдко обижаются, бранятся, разойдутся, — потомъ опять сходятся и милуются... Но все же это вездѣ случается не такъ себѣ, а за что-нибудь... за измѣну, за холодность, изъ ревности, изъ косаго взгляда, мало-ли изъ чего, но не безъ причины. А у васъ съ Леночкой, прости Господи, и причинъ нѣтъ никакихъ.... васъ обоихъ просто не разберешь!

ГРАФЪ. Это сущая правда, Юлія Романовна, но.... (*въ сторону*). Какая скука! Отвѣчай еще этой тараторкѣ, когда и безъ нея довольно своихъ заботъ.

ТЕТУШКА (*перебивая*). Пстой, пстой, батюшка, я не все договорила.... изволь на прежде меня выслушать.—Про что бишь я начала?... Да! про мое недоумѣнье. Вотъ три мѣсяца, какъ я сюда пріѣхала, гошу у племянницы, смотрю на васъ обоихъ и до сихъ поръ не пойму, что у васъ такое—друзья вы съ нею, или враги? Но отчего у васъ такъ часто съ нею контры и всякія пики?... Кажись, оба вы люди прекрасные.... Умные, разсудительные.... тебѣ, мой батюшка, 35, ей 27.... свободны, независимы, богаты, давно знакомы, другъ другу пара не стара—марьяжъ дорогой,—а вы то и дѣло спорите да ссоритесь, и любите вы другъ друга, какъ шны ненавидять!

ГРАФЪ (*нетерпѣливо*). Божусъ вамъ, что съ моей стороны....

ТЕТУШКА (*перебивая*). Постои, постои, не мѣшай миѣ. Надо, чтобъ ты зналъ все, что у меня на умѣ и на сердцѣ... Дѣло, я говорю, у васъ почти слажено, слово чуть-ли не дано, а вы все ни съ мѣста, и сидите себѣ такъ, ни при чемъ, словно у моря ждете погодки!.... Конечно, встарину, какъ книги говорятъ, свадьба также отлагалась, но тогда поклонникъ долженъ былъ заслуживать благоволеніе своей любезной..... сражался за нее, или исполнялъ подвиги по обѣту. А у васъ, мой голубчикъ, какая надобность томить себя такими отерочками и что вы этимъ выиграете? Больше любви? Да, вы и теперь ужъ встрѣтиться не можете, чтобъ не поспорить!... Глядя на васъ, подумаешь, что вы десять лѣтъ женаты.... (*Обмахивается сильно въ-еромъ*).

ГРАФЪ (*принужденно*). Увѣряю васъ честью, Юлія Романовна, что я самъ совершенно съ вами согласенъ и давно чувствую, какъ странно, какъ смѣшно наше взаимное положеніе!... Но что жъ миѣ дѣлать?... Я не виноватъ! (*Въ сторону*). Будеть-ли конецъ ея распросамъ?

ТЕТУШКА Какъ не виноватъ, мой батюшка? Мужчины всегда виноваты.

Мужчины насъ любятъ?

Ну, что жъ, въ добрый часъ!....

Мужчины разлюбятъ?

Бѣда имъ отъ насъ!.....

Ревнуютъ за вздоры?

Ихъ ревность смѣшна!....

Случатся-ли ссоры?

Все ихъ же вина!....

Ихъ страсть намъ мѣшаетъ?—

Ихъ страсть не внопадъ!....

Невѣста скучаетъ?

Женяхъ виновать!

Да, мой свѣтъ, какъ ни увертывайся ваша браться, а все таки виноваты вы-же, и вѣчно вы... и только вы! во всякомъ случаѣ, и все таки вы! ... Вотъ, хоть теперь, напримѣръ, ты, батюшка, кругомъ виновать..... Зачѣмъ ты не умѣлъ поставить себя на другую ногу?... Или заставь Леночку полюбить себя иѣжице, или разоидитесь... Виданое-ли это дѣло,—до свадьбы ссориться каждый Божій день!!... Что же послѣ-то будетъ?....

ГРАФЪ (*безпечно въ сторону*). А что, вѣдь она, можетъ быть, и не

совсѣмъ пустое говорить. . . (*Вслухъ*). Ахъ, Юлія Романовна, вы такъ благоразумны и такъ добры притомъ, такъ хорошо понимаете дѣло, что-бы вамъ уговорить Елену Петровну?

ТЕТУШКА. Къ чему, свѣтикъ мой? Къ замужству, къ свадьбѣ!... Да прежде мнѣ не худо бы знать, на какихъ вы съ нею, что называется, кондиціяхъ?.. . Просто-ли ты здѣсь другъ дома — человѣкъ безъ консеканса, вздыхатель-ли, или женихъ? если женихъ, Богомъ данный, родителями благословенный, такъ почему такъ долго женихъ, а не давно уже мужъ?.... Вѣдь я честию увѣряю тебя, что я васъ еще не разобрала

ГРАФЪ. Вотъ видите, Юлія Романовна, я не то, что просто другъ, и не могу сказать, что я нарѣченный женихъ. Я люблю Елену Петровну; люблю искренно и отъ души, она меня тоже любитъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда такъ казалось. Всѣ условія счастливаго супружества соединяются около насъ: положеніе въ свѣтѣ, состояніе, воспитаніе, взаимныя требованія, все въ одномъ изъ насъ двухъ отвѣчаетъ вполнѣ другому, какъ сами вы давеча замѣтили. Но мы какъ-то попали въ запутанное отношеніе и не выйдемъ изъ него.... Помогите намъ, выручите насъ. Я увѣренъ, что съ вашимъ сердцемъ и умомъ вамъ легко будетъ отстранить всѣ наши недоразумѣнія, и что, благодаря вамъ, я могу быть скоро счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ Петербургѣ, мужемъ вашей очаровательной племянницы.

ТЕТУШКА. Изволь, изволь, мой батюшка, всегда рада помогать всякому доброму дѣлу, особенно марьяжу по любви!.... (*вздыхая глубоко*). Ахъ! это должно быть единственнымъ и несравненнымъ благополучіемъ на землѣ!....

ГРАФЪ (*цѣлуя ея руку*). Добрая тетушка!.. . Вы позволите мнѣ заранѣе называть васъ этимъ племенемъ не такъ ли? Добрая, милая тетушка! какъ вы понимаете это счастье, хотя сами его не испытали!

ТЕТУШКА (*разчувствовавшись*). Нѣтъ, другъ мой, не испытала, но сердце мое для него создано, и только судьбѣ неугодно было, что-бы я...

ГРАФЪ. Вѣрю, вѣрю, Юлія Романовна... Но возвратимся къ моему недоконченному разсказу...

ТЕТУШКА. Да, батюшка, да, разскажи. (*садится*).

ГРАФЪ. Когда я познакомился съ Еленой Петровной, я тотчасъ увидѣлъ, что она именно та женщина, которую я могу полюбить на всю жизнь, та жена, которая какъ-бы создана нарочно для меня. Но она тогда еще была въ траурѣ по первомъ мужѣ и я не смѣлъ ду-

мать о предложеніи. (Вы знаете, она очень любила покойника и долго плакала по немъ безутѣшно. Не мудрено: она только два года была за нимъ; онъ служилъ въ Царскомъ Селѣ, она жила въ Петербургѣ, у отца... они видались раза два въ недѣлю и не успѣли надѣсть другъ другу; а когда онъ умеръ отъ ушиба, упавши съ лошади, она, говоря, едва не умерла вмѣстѣ съ нимъ.. Такой мужъ остается вѣчнымъ соперникомъ для будущаго жениха, и тѣмъ опаснѣйшимъ, что онъ уже не можетъ ни провиниться, ни уронить себя во мнѣніи и воображеніи вѣрной вдовушки...) Больше года старался я сблизиться постепенно съ Еленою Петровной, пріучить ее къ себѣ, угождать ей, исполнять малѣйшія ея желанія, кажется, успѣлъ понравиться, и просилъ наконецъ ея руки. Она приняла благосклонно эту просьбу, обнадежила меня,—я сдѣлался короткимъ въ ея домѣ... Мы выжидали весны, чтобъ обвѣнчаться и тотчасъ уѣхать за границу; но тутъ скончался отецъ Елены Петровны, вашъ зять... (*тетушка прикладываетъ платокъ къ глазамъ своимъ*). Она опять надѣла только что святой трауръ, опять плакала, горевала,.. (*Тетушка всхлипываетъ*). Разумѣется, свадьба отложена... а тамъ пошли раздѣлы съ сестрами, семейныя дѣла... потомъ только—что становилось возможнымъ возобновить наши свадебныя сборы, какъ вдругъ, точно какъ будто мнѣ на зло, принялся умирать одинъ за другимъ два—три дяди, да нѣсколько тетокъ... У Елены Петровны такое несмѣтное количество старыхъ скучныхъ родственниковъ,

ТЕТУШКА. Вотъ тебѣ разъ!.. Покорнѣйше благодарю за любезность. Очень мило!.. Продолжайте, не церемоньтесь!..

ГРАФЪ (*цѣлуя нѣсколько разъ ея руку*). Помилуйте, да развѣ вы причисляете себя къ нимъ, или я самъ могъ имѣти такую неизвинительную мысль?.. Вѣдь родня, про которую я говорю, все съ отцовской стороны, а вы—какая разница!.. Вы сестра матери Елены Петровны... Вотъ такъ прошелъ и третій годъ нашего знакомства, а мы все еще не женились, и день отъ дня я замѣчаю, что становлюсь неудачиѣ при Еленѣ Петровнѣ... Она чаще на меня сердится, чаще скучаетъ... Не знаю, чему приписать ея странности. Когда весна пришла, и она наняла эту дачу, я просилъ позволенія присоединиться къ ней, и тоже взялъ домъ рядомъ съ нею; я надѣялся, что это сближеніе, что ежеминутныя встрѣчи ускорятъ ея рѣшеніе, пріучатъ ее къ моему безотлучному присутствію... но на повѣрку выходитъ совсѣмъ противоположное: она чуть ли не холоднѣе со мною, чѣмъ въ городѣ...

ТЕТУШКА (*раздумывая и соображая*). О... охъ, охъ, охъ!..

все это больно мудроно! Кажется, истинная любовь не должна бы угасать отъ препятствій, напротивъ, особенно когда любимый человекъ всегда тутъ, на глазахъ... Въ разлукъ, знаете, можетъ иногда приключиться что-нибудь такое... вѣдь отсутствующіе тѣмъ ужъ виноваты, что отсутствуютъ!.. Да не нравится ли кто-нибудь другой моей племянницѣ?

ГРАФЪ (*самоуверенно*). Некому ей понравиться. Между знакомыми нѣтъ никого, кто бы могъ... Поклонниковъ и жениховъ у нея не мало, но этихъ я всѣхъ знаю, какъ свои пять пальцевъ: ни одинъ не опасенъ; положимъ, она иногда и любезничаетъ съ ними, но никогда не кокетничаетъ... Ей просто скучно!

ТЕТУШКА. Кто жъ ей велитъ скучать? Вѣдь если она не ѣздитъ въ свѣтъ, не ищетъ разсѣянія, то на это у нея своя добрая воля!.. Повѣрь мнѣ, Леночка, какъ всѣ другія, хандритъ, потому-что ты съ нею не довольно любезенъ, не умѣешь ее развеселить!.

ГРАФЪ. Боже мой! Я ли не стараюсь всѣми силами...

ТЕТУШКА. Э, мой батюшка, не въ стараніи дѣло! ты совсѣмъ не понимаешь женщинъ, не умѣешь съ ними ладить, вотъ и все... У васъ съ Леночкою характеры совершенно разные: она жива, бойка, пылка; ты, что грѣха таить — лѣнивъ и молчаливъ, любишь свое спокойствіе и не охотно имъ жертвуешь; она тебя забавляетъ, не ты ее, вотъ что!.. Лучше бы вамъ порядкомъ разъ поссориться, да потомъ ужъ свестъ на мировую, и на радостяхъ серьезно заговорить о свадьбѣ... тогда и я вступлюсь въ ваше дѣло, и оно кончится благополучно...

ГРАФЪ (*флегматически*). Вы правы; да за что же намъ серьезно поссориться?

ТЕТУШКА. Придерись къ ней за что нибудь, приревнуй къ кому бы то ни было.

ГРАФЪ (*нерѣшительно*). Охотно, охотно!.. Да къ кому же?.. Я никого не вижу около насъ... не знаю...

ТЕТУШКА. Ахъ! что за человекъ? Сущій неповоротень,.. флегматикъ!.. Кажется, я не невѣста твоя, а готова сама изъ себя выйти!.. Что за диковинка цайти или выдумать случай ссоры!.. Возьми примѣръ хоть изъ старой комедіи: «Досада отъ любви». Заставь Леночку ревновать, самъ приволокнись за другую...

ГРАФЪ (*съ испугомъ*). Кто?.. я?.. Ахъ, Боже мой! я десять лѣтъ не говорю съ женщинами, не ѣзжу ни къ кому изъ молоденькихъ, кромѣ вашей племянницы, я никого, рѣшительно никого не знаю, не

придумаю, за кѣмъ бы... И потомъ, какая скука!.. Какъ утомительно волочиться!..

ТЕТУШКА. И, мой батюшка! какой же въ тебѣ прокъ, когда ты постояненъ отъ лѣни и вѣренъ поневолѣ?.. Прошу покорно! И вотъ такіе мужчины удивляются, что съ ними скучно!.. Нѣтъ, мой свѣтъ, я не берусь тебѣ служить, когда ты не хочешь слѣдовать моимъ со-вѣтамъ... Вышутывайся, какъ самъ знаешь!

ГРАФЪ. Ахъ, тетушка, добрая, милая тетушка, ужели вы отъ меня отказываетесь?.. Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! Придумаемъ еще что-нибудь!..

IV.

ТЕТУШКА, ГРАФЪ. ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ (съ бороною, усами, эспаньолкою, въ пестромъ гал-стухъ и сѣрой шляпъ, впрочемъ совершенный джентльменъ, входитъ, оглядываясь, и что-то цѣлвая). Мнѣ сказали, что я здѣсь его найду?.. гдѣ же онъ? (подходитъ къ графу). Милостивый государь, позвольте у васъ спросить, гдѣ здѣсь живетъ графъ Звонскій?

ГРАФЪ. Это я,.. позвольте узнать, что вамъ угодно?.. (Тетушка надѣла очки, выкула изъ кармана книгу и принялась читать).

ТЕНОРСКІЙ. Ты.. извините! Вы, графъ Звонскій?.. Извините!.. я хотѣлъ сказать, вы ли графъ Дмитрій Кирилловичъ Звонскій?

ГРАФЪ. Я самъ... Но въ свою очередь я спрошу, съ кѣмъ имѣю честь говорить?..

ТЕНОРСКІЙ (расхохотавшись громко, бросается обнимать графа). Хороши же мы оба, нечего сказать! Смотримъ цѣлый часъ другъ на друга и не узнаемъ!.. Ужели мы оба такъ перемѣнились?..

ГРАФЪ. Я все-таки не знаю ..

ТЕТУШКА (издали смотритъ на Тенорскаго). Ахъ, мой создатель! что это за птица!.. настоящій сорванецъ косматый! Долженъ быть парикъ!..

ТЕНОРСКІЙ. Нѣтъ, ужъ извините, сіятельный! Извольте сами угадать, а я себя не назову.

ГРАФЪ (всматривается въ него, съ недоумліемъ). Этотъ голосъ не только мнѣ знакомъ, но въ немъ звучитъ что-то мнѣ родное, душевное... помнится, я его слышалъ давно... но гдѣ?

ТЕНОРСКІЙ. Давно и есть!.. и какъ еще давно-то!.. но все не скажу, гдѣ...

ГРАФЪ. И глаза мнѣ напоминаютъ кого-то близкаго... Но меня совершенно сбиваетъ съ толку...

ТЕНОРСКІЙ. Моя прическа?.. это подражаніе послѣднимъ лвамъ, которыхъ я видѣлъ... не просто заморскимъ, двуногимъ, а настоящимъ степнымъ, африканскимъ четвероногимъ лвамъ, за которыми я охотился еще за три недѣли, и въ доказательство привезъ тебѣ великолѣпнѣйшую лвиную шкуру, которую ваше сіятельство получите не прежде, когда меня узнаете!

ГРАФЪ (*стукнувъ себя по лбу*). Голосъ друга и взоръ его!.. все остальное мнѣ чуждо... Боже мой! кто бы мнѣ это предсказалъ? Маскарадъ безъ масокъ, и на дачѣ, средь бѣлаго дня... (*комически*). Тайственный незнакомецъ! Умоляю, заклинаю тебя, откройся мнѣ, вымолви хоть слово, дай хоть знакъ, но которому я могъ бы тебя узнать!

ТЕТУШКА (*вслушиваясь*). Что такое? тайственный незнакомецъ!.. ужъ не приключеніе ли какое нибудь?..

ТЕНОРСКІЙ (*также комически*). Ты хочешь слова, магическаго слова?.. Изволь, я назову тебя твоимъ прежнимъ именемъ — черепаха!..

ГРАФЪ (*живо*). Чере... Ты лицейскій товарищъ; никто другой не могъ знать этого прозвища, а такъ-какъ пзъ всѣхъ моихъ товарищей лиценствоваъ я потерялъ пзъ виду только одного, самаго мнѣ милаго и дорогаго, ты непременно долженъ быть Базиль Тенорскій!..

ТЕНОРСКІЙ. Слава Богу! насилу догадался, и то я же помогъ!.. Ну, да, Базиль Тенорскій, и кажется, не слишкомъ еще постарѣлъ, чтобъ ты меня не узналъ...

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Старый пріятель!.. Не хочу мѣшать вамъ. (*уходитъ въ глубину сада*).

ГРАФЪ. Но ты тоже не узналъ меня?

ТЕНОРСКІЙ. Вольно же твоему сіятельству смотрѣть такимъ важнымъ и степеннымъ человѣкомъ: вѣдь мы ровесники, а по осанкѣ, ты, право, себѣ и мнѣ въ дяди годишься!

ГРАФЪ. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ не видались, не шутка, братъ, успеешь перемѣниться и принять важный видъ!.. Вѣдь жилое, думалось, чувствовалось... все это не молодить!.. А служба, а дѣла?.. Но дай поглядѣть на тебя! Ты, вотъ, настоящій молодець! Загорѣлъ, статень, ловокъ... ни дать, ни взять, типъ для картины!.. Обними меня еще разъ, давеча мы какъ-то холодно расцѣловались, я тебя не узналъ...

Иск 10447
7065

ТЕНОРСКИЙ. Изволь, отъ души!.. (нѣсколько разъ обнимают-ся).

ГРАФЪ. Откуда, гдѣ былъ?

ТЕНОРСКИЙ. Отсюду, и былъ вездѣ... то есть, гдѣ тепло!.. Я не могу жить тамъ, гдѣ холодно: обожаю солнце, дышу солнцемъ, словомъ, я настоящій Перуанецъ въ этомъ отношеніи. Сперва я поѣхалъ въ Римъ учиться живописи, потомъ былъ въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Египтѣ...

ГРАФЪ (*перебивая его*). Пстой, я все хочу знать по порядку. Во-первыхъ, куда ты пчезешь, когда мы вмѣстѣ кончили курсъ и обе такъ блистательно выдержали наши экзамены...

ТЕНОРСКИЙ. Я поѣхалъ въ Одессу, гдѣ жило мое семейство; тамъ, какъ водится, меня сначала избадовали, потомъ хотѣли принять въ руки, какъ говорится, да мальчикъ-то я оказался на это неудобный, такъ пришлось роднымъ побавить строгости и спросить меня: куда я гожусь и на что способенъ?.. А я тогда, на бѣду мою, ровно никуда не годился, и ни къ чему не имѣлъ способностей. Наконецъ я вспомнил свои таланты въ музыкѣ, и заключилъ, что меня природа обрѣкла быть великимъ музыкантомъ, и просилъ, чтобъ меня отпустили въ Италію учиться музыкѣ. Что-же ты думаешь? вѣдь на повѣрку у меня и впрямь оказался очень не дурной голосокъ!..

ГРАФЪ. И ты поѣхалъ въ Италію учиться пѣть?...

ТЕНОРСКИЙ. То-есть,.... какъ тебѣ сказать,—поѣхать-то я поѣхалъ,—но за чѣмъ,—это еще было не совсѣмъ ясно въ моей головѣ!... Но при первомъ моемъ вступленіи въ Римъ,—судьба указала мнѣ мое настоящее поприще, мое прямое призваніе. Я взглянулъ на безсмертныя творенія Рафаэля, Микель Анджели и другихъ великихъ художниковъ, — и этотъ взглядъ породилъ во мнѣ вдохновеніе. «Anch'io son pittore!» закричалъ я, какъ нѣкогда восторженный Корреджіо,—купилъ парусинную блузу, бракованную палитру, истертые кисти, и пошелъ учиться въ мастерскую, гдѣ работали уже и другіе питомцы русскаго искусства..... Что за жизнь, братъ, открывалась предо мною! какая чудная, полная, обаятельная жизнь!... Подумай—только, 20 лѣтъ, вѣрныи насущный хлѣбъ, около тебя мириады красавицъ, надъ головою днемъ бирюзовыя тѣни, ночью расплавленный сафиръ, а солнце, солнце-то какое!... а черные глаза трастевринокъ.... У!.... У! морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомнишь эту жизнь!

Край полуденный, чудесный,

Вѣкъ не знаетъ зимныхъ дней,—

Вѣкъ горитъ тамъ сводъ небесный
 Блескомъ солнечныхъ лучей!
 Розы, мирты, померанцы
 Съ января ужъ тамъ цвѣтутъ,—
 Тамъ и въ будни пѣсни, танцы,
 Вѣчный праздникъ создаютъ!

Тамъ искусствомъ вдохновеннымъ
 Путь широкій намъ открыть,—
 На пути вождемъ священнымъ
 Тѣнь Рафаэля стоитъ.....
 Тамъ рѣзцомъ иль кистью смѣлой
 Руки просятся владѣть,
 Тамъ кипитъ отважно дѣло,
 Чтобъ за славою поспѣть.

ГРАФЪ. Я тоже былъ въ Итали, но я не артистъ, и на меня тамошнія прелести дѣйствовали не такъ сильно и упоительно, какъ на тебя, а недостатки и неудобства полу-одичалой страны чувствительно оскорбляли мою сѣверную натуру.

ТЕНОРСКІЙ. Потому что ты путешествовалъ большимъ бариномъ, въ своей тяжелой каретѣ съ графскими гербами, да съ мошеникомъ курьеромъ, который былъ въ заговорѣ противъ тебя со всѣми трактирщиками, купцами и лавочниками, выбиралъ для тебя все, что похуже, а на счетахъ ставилъ за самое лучшее и дорогое.... Извѣстно! извѣстно! Это участь многихъ богатыхъ людей... То-ли дѣло итти себѣ пѣшкомъ, на своей собственной парѣ, съ котомкою за плечами, останавливаться тамъ, гдѣ глазамъ понравится чудная мѣстность, доставать рукою вездѣ вьющіяся лозы и снимать спѣлые грозды янтарнаго винограда; пить молоко, поднесенное въ античной кружкѣ миловидною поселянкой съ искрометными глазами; отдыхать въ кущѣ цвѣтущихъ померанцевъ, загоститься тамъ, гдѣ весело, однимъ словомъ, быть полнымъ господиномъ своихъ наслажденій, прихотей и удивленій—это привиллегія артиста! Изъ одного этого стоитъ посвятить себя искусству.

ГРАФЪ. Но какъ же ты попалъ въ Испанію, въ Египетъ, въ Алжиръ?

ТЕНОРСКІЙ. А вотъ какъ: живопись одна не могла занять долго моей дѣятельности, а главное, любопытство—эта пружина туризма, любопытство видѣть что нибудь новое, желаніе испытать незнакомое, всѣ стремленія, всѣ порывы молодости влекли меня дальше, и я каждую весну

отлучался изъ Рима, чтобъ объѣхать и осмотрѣть какую нибудь другую страну. Въ Испаніи надобно было надивиться на картины Мурильо, на-смотреться на Севильянокъ и Гаetanoкъ, пляшущихъ болеро или насто-ящую качучу, при звукѣ кастаньеты, — и я отправился.... О! тутъ-то я чуть съ ума не сошелъ! Какія ножки! какія талии! что за взоры!....

Кто расскажетъ, кто опишетъ
Красоту испанскихъ дѣвъ?
Сердце бьется, лишь услышитъ
Ихъ волнующій припѣвъ:
Ай лелильо, ай лелильо,
Ай лелильо, дѣвица—душа!
А лелильо, какъ ты хороша.

Зазвучали кастаньеты,
Засверкалъ чудесный взоръ,
На колѣна, о поэты!
Передъ нимъ всѣ пѣсни вздоръ!...
Ай лелильо, ай лелильо,
Ай лелильо, дѣвица—душа,
Ай лелильо, какъ ты хороша!

ГРАФЪ. Я тебя завидую, у тебя богатая и счастливая натура, все тебя кажется радуешь, все тебя восхищаетъ, тебѣ вездѣ хорошо!

ТЕНОРСКІЙ. Вездѣ! потому—что вездѣ я ищу жизни, то-есть, пищи уму или сердцу, или воображенію, а гдѣ на землѣ такое мѣсто, гдѣ бы человѣку не удалось задуматься или улыбнуться?.. Но ты самъ, развѣ не вполне доволенъ своею участью?.. Съ твоимъ именемъ, богатствомъ, съ личными твоими преимуществами и достоинствами, ты могъ себя выбрать родъ жизни по вкусу, и если я тебя нахожу здѣсь, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ, вѣрно тебѣ и здѣсь хорошо?..

ГРАФЪ. Да, я не жалуясь на свою судьбу; но если я долженъ почитать себя счастливѣе многихъ на свѣтѣ, это не мѣшаетъ однако, что по временамъ дни и часы кажутся мнѣ ужасно длинны, невыразимо однообразны...

ТЕНОРСКІЙ. Гмъ!.. это значить, что тебѣ, по просту безъ затѣй, скучно?

ГРАФЪ (съ изнеможеніемъ). Да, мнѣ скучно!..

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ они, баловни фортуны, вотъ какъ они дорого выкупають ея золотыя дары!.. «*Скучно!!!*» Человѣкъ въ тридцать пять лѣтъ, на вершинѣ блестящаго поприща, полный силы, здоровья, способностей, *ему скучно!*... Знаешь ли что, братъ? Тебя легко вылечить отъ твоей блажи, (я не могу дать другаго имени твоей скукѣ, противной достоинству мужчины). Подари бѣднымъ или роднымъ твое имѣніе и капиталы, ступай доставать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, или благородною службой, работой руками или головою часовъ по девяти въ сутки, и я ручаюсь тебѣ, что твоя скука пройдетъ, что ты вылечишься отъ своей хандры!.. Одно простое блюдо покажется тебѣ всегда вкуснѣе всего твоего теперешняго лакомаго обѣда!.. Часочикъ сна, вечерняя прогулка освѣжатъ тебя и оживятъ пуще всѣхъ утонченныхъ удовольствій, изъ которыхъ привычка сдѣлала для тебя не усладу, а тяжкую обязанность представительности. Ахъ, праздность, праздность! Отравя жизни, разлагательная сила!.. Нѣтъ, не промѣняю на тебя мою трудовую дорогу, мою поэтическую бѣдность! (*указывая на голову и сердце*). Блаженъ, сто разъ блаженъ тотъ, у кого не совѣшь пусто тутъ и тутъ!.. (*приподнимая къверху обѣ руки*). Тотъ, у кого бодры эти орудія, данныя Богомъ человѣку, счастливѣе и богаче тебя самовольнаго плѣнника своего золота!.. Ему не пріѣдаются простыя наслажденія жизни, для него не изсякають и не увядають вѣчные дары Бога и природы: желаніе, вдохновеніе, мысль, творчество! Онъ наследникъ и обладатель живыхъ силъ жизни!.. А ты.

ГРАФЪ. Вотъ видишь, ты самъ сознаешься, что ты, артистъ, гораздо счастливѣе меня, что ужъ самая обстановка жизни даетъ тебѣ болѣе средствъ ее пополюпить... У меня свои обязанности, свои занятія, но они истощають мои умственные способности, убивають во мнѣ отвагу молодости... Что жъ мнѣ дѣлать, когда я рано становлюсь старикомъ, когда я гасну прежде времени?

ТЕНОРСКІЙ. А разсудокъ твой? а энергія?.. а сила воли?.. на что они, если не могутъ спасти тебя отъ умственной ржавчины, отъ душевнаго застоя?.. Но я хочу, чтобъ мой пріѣздъ на родину пригодился лучшему моему другу, я берусь тебя вылечить. Знаешь ли что? Я пріѣхалъ домой не надолго—устроить кой-какія семейныя дѣла, повидаться съ друзьями и перемѣнить паспортъ; мнѣ необходимо вернуться на Югъ, кончить заказанную картину... Сдѣлай хорошее дѣло, поѣдемъ со мною!

ГРАФЪ. Съ тобою?

ТЕНОРСКІЙ. Да, я повезу тебя отогрѣваться и тѣломъ и душой,

растрясую твою хандру! Ты обрось мохомъ и покрылся плесенью отъ засидѣлости; тебѣ нужно внутреннее и вѣншее упражненіе; тебя надо лечить свѣжимъ воздухомъ.

ГРАФЪ (*льниво*). Да вѣдь я вездѣ перебивалъ... все видѣлъ... мнѣ путешествія и такъ ужъ надоѣли!

ТЕНОРСКІЙ. Тебя, можетъ быть, держать семейныя связи?.. Я и забылъ спросить, ты вѣрно обзавелся семействомъ... женатъ, отецъ?..

ГРАФЪ. Нѣтъ еще, по несчастію; но собираюсь жениться... у меня даже есть невѣста...

ТЕНОРСКІЙ. Прежде, чѣмъ ее увижу, спѣшу сказать тебѣ, что для твоего блаженства, я бы желалъ, чтобъ она была капризна, кокетлива, немножко зла, очень ревнива...

ГРАФЪ. Спасибо за дружеское желаніе. Нельзя ли объяснить, почему ты такъ щедръ въ отрицательныхъ качествахъ моей будущей жены?..

ТЕНОРСКІЙ (*смѣясь*). Изъ чистой дружбы къ тебѣ! Я лучше тебя знаю, что тебѣ нужно!

Если въ отвѣтъ намъ на всѣ наши рѣчи
 Вѣчное да повторяетъ жена,
 Станемъ бѣжать мы отъ приторной встрѣчи,
 Эхомъ докучнымъ намъ будетъ она...
 Лучше повздорить,
 Поплакать, поспорить
 А тамъ помириться—и вивать жена!

ГРАФЪ. Твои желанія опоздали... Моя невѣста женщина чудо, идеаль всѣхъ совершенствъ! Представь себѣ: умна какъ книга, добра какъ солнце, хороша какъ Психея, разсудительна какъ Минерва... И что еще?

ТЕНОРСКІЙ (*перебивал*). Кажется, ужъ и такъ довольно!

ГРАФЪ. Нѣтъ, кромѣ всѣхъ этихъ личныхъ качествъ, она тоже съ положительной стороны самая выгодная, самая блистательная для меня партія и...

ТЕНОРСКІЙ. Ты ее любишь?

ГРАФЪ. Если бъ я хотѣлъ солгать, или пофанфаронить, я сказалъ бы подката глаза подъ лобъ: «болѣе жизни, болѣе самого себя!»

Но я человекъ солидный, и пренебрегаю такими пошлостями. Жизнь если я и люблю, то право безъ своего вѣдома, невзначай, а самого себя кто же не любить? И такъ, я буду простъ и откровененъ, скажу тебѣ, что я люблю невѣсту свою чуть ли не наравнѣ съ самимъ собою!

ТЕНОРСКІЙ. А она тоже тебя любитъ?

ГРАФЪ. Очень!.. Мы давно знакомы, успѣли оцѣнить другъ-друга, привязаться... Мы созданы одинъ для другаго!

ТЕНОРСКІЙ. Женихъ! Влюбленъ! И тебѣ не совѣстно грѣшить на жизнь, признаваться, что ты скучаешь?..

ГРАФЪ (безсознательно). Что жъ дѣлать, не я одинъ! Моя невѣста тоже скучаетъ иногда, и въ этомъ у насъ съ нею симпатія!

ТЕНОРСКІЙ (въ сторону). То есть, онъ ей надоѣдаетъ; это случается!.. (громко). А скоро ли твоя свадьба?.. Я кстати подоспѣлъ, если мнѣ удастся на ней попить.

ГРАФЪ (неловко). Какъ тебѣ сказать .. я и самъ еще не знаю навѣрное... это зависитъ отъ обстоятельствъ...

ТЕНОРСКІЙ. Дѣла. . секреты?.. объ нихъ я и не спрашиваю!

ГРАФЪ. О, совѣмъ нѣтъ!.. Но... но ты пошалъ въ такую минуту, что...

ТЕТУШКА (возвращаясь дѣлаетъ издали знаки графу). Леночка, Леночка сюда идетъ!

ГРАФЪ. Какъ нельзя лучше! (Тенорскому). Это моя невѣста!

ТЕНОРСКІЙ (съ изумленіемъ смотря на тетушку). Какъ... эта почтенная дама?..

ГРАФЪ. То-есть, не та, что пришла, а та, которая придетъ. Это ея тетка; я васъ познакомлю. Твой прїѣздъ развеселитъ мою невѣсту, онъ ужъ и меня какъ-то оживилъ... (тетушкѣ, представляя ей Тенорскаго) Юлія Романовна, позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ моего друга и школьнаго товарища Тенорскаго... (Тенорскому). Юлія Романовна Турухтанова

ТЕТУШКА (ишино присѣдал по старинному). Прошу любить и жаловать... Я уже слышала начало вашего разговора и очень имъ заинтересовалась... но узнавши, что вы давно не видались съ графомъ, я побоялась быть между вами лишнею и нарочно ушла, чтобъ вамъ не помѣшать.

ТЕНОРСКІЙ (раскланивался). Помилуйте, развѣ вы могли намъ мѣшать, напротивъ, я за честь почитаю. Пэвините, что давеча я не

замѣтилъ, я былъ какъ сумасшедшій, такъ радовало меня свиданіе съ моимъ дорогимъ графомъ.

ТЕТУШКА. Понимаю, впрочемъ и я сама была занята... я читаю мою любимую книгу «Новую Элоизу»... и попала именно на самое интересное письмо...

ТЕНОРСКІЙ. «Новую Элоизу! Боже мой! въ наше время! Да это анахронизмъ!.. Развѣ вы прежде не знали этой книги, надѣлавшей нѣкогда столько шуму, Богъ знаетъ впрочемъ, почему?..

ТЕТУШКА. Кто, я, читали ли прежде «Новую Элоизу?» да это сударь, моя настольная книга, вотъ пятьдесятъ лѣтъ, что я съ нею не расстаюсь и перечитываю ее непременно каждую весну и каждую осень... Моя покойная матушка была восхищена этимъ романомъ, и я съ нею выучилась плакать надъ злополучіемъ чувствительныхъ сердець, которыя обречены страданію и горю!.. (*утираетъ глаза*).

ГРАФЪ. Если вы такъ чувствительны къ страданіямъ вымышленныхъ влюбленныхъ, то вы будете благосклонны къ любви живаго человѣка, который имѣетъ честь быть при васъ на лицо: вспомните ваше общаніе (*тихо ей на ухо*). Помирите меня съ вашею племянницей.

ТЕТУШКА. Постараюсь.

ГРАФЪ. Могу ли я представить ей Тенорскаго?.. это мой лучшій другъ, я бы хотѣлъ, чтобъ она приняла его ласково.

ТЕТУШКА. И хотите его представить въ день ссоры? Хороши вы! да она и слова предъ нимъ не скажетъ... иначе она не была бы женщиной... и я не признала бы ее за свою племянницу!..

ГРАФЪ. Какъ же мнѣ быть? Я желалъ бы, чтобъ онъ провелъ день со мною, и не хочу лишать себя присутствія Елены Петровны... Представьте вы моего друга!

ТЕТУШКА (*пожимая плечами*). Какой же вы плохой политикъ, вовсе не умѣете понимать женщинъ! Развѣ можно безъ хитрости заставить насъ поступать по чьему нибудь вліянію, особенно когда мы сердимся или не въ духѣ?... Если вы хотите, чтобъ Леночка была въ восхищеніи отъ вашего друга, то притворитесь, напротивъ, что вы не хотите его до нее допустить.

ГРАФЪ. Въ самомъ дѣлѣ?! Благодарю за совѣтъ!.. Кстати, вотъ и Елена Петровна.

V.

ТѢЖЕ И ЕЛЕНА ПЕТРОВНА.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*входитъ медленно и будто нехотя*). Тетушка, вы здѣсь? (*подходитъ къ тетушкѣ*).

ТЕНОРСКІЙ (*графу*). Она?.. ну, братъ, поздравляю!.. Ты въ самомъ дѣлѣ счастливецъ!.. И хотя женихъ, однако, право, ничего не преувеличилъ!.. Представь же меня поскорѣе, горю отъ нетерпѣнія слышать голосъ такихъ чудныхъ глазъ!..

ГРАФЪ (*тихо Тенорскому*). Сейчасъ, подожди... (*старается отвести его подальше*).

ТЕНОРСКІЙ. Чтò съ тобою? вмѣсто того, чтобъ меня подвести къ твоей невѣстѣ, ты меня уводишь?

ГРАФЪ. Тсъ!.. молчи!.. я тебѣ послѣ объясню...

ТЕТУШКА (*Елень Петровнѣ*). Постои, Леночка, мы не однѣ!.. Дай уйти вонъ этому дикобразу.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Кому? про кого вы говорите? (*увидѣвъ Тенорскаго*). Чужой? гость?.. Кто это?

ТЕТУШКА. Никто!.. право, никто!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*со смѣхомъ*). Какъ никто? предо мною человѣкъ, а вы хотите меня увѣрить, что его нѣтъ.

ТЕТУШКА. Совсѣмъ не то, я говорю *никто*, потому что такіе люди не входятъ въ счетъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Однако, вы знаете, кто онъ, если такъ объ немъ выражаетесь?

ТЕТУШКА. Какой-то артистъ... путешественникъ... прикатилъ изъ Италіи... по всему видно, что изъ-за морей, какъ ёжъ, весь обросъ щетиной... Не смотри на него, Леночка, не стоитъ труда. (*Тенорскій въ это время хочетъ подойти, графъ его удерживаетъ и отводитъ все дальше*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*глядя на Тенорскаго*). Я съ вами не согласна, онъ очень не дурень... Мнѣ нравится эта оригинальная небрежность... По-крайней-мѣрѣ, онъ не похожъ на все, что мы видимъ ежедневно... Путешественникъ и артистъ, долженъ быть занимателенъ?.. (*она тоже дѣлаетъ шагъ въ ту сторону, тетушка ее удерживаетъ*).

ТЕТУШКА. Лена, это неприлично!.. Тебѣ этотъ шершавый господинъ не компанія... Даже графу самому не хотѣлось тебѣ его представлять.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А, въ самомъ дѣлѣ?.. Если такъ... (*подходитъ къ кусту, чтобъ сорвать цвѣтокъ и роняетъ свой пла-*

токъ, Тенорскій бросается его поднять и подаетъ ей почтительно).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Очень вамъ благодарна!.. Извините, что моя неловкость васъ обезпокоила!

ТЕНОРСКІЙ. Помилуйте, я слишкомъ счастливъ!..

ГРАФЪ (подходя). Извините, Елена Петровна, что застали здѣсь насъ безъ вашего позволенія... Мы уходили... (Тенорскій дергаетъ его за руку). Мои люди такъ глупы, что не позвали меня домой принять моего гостя, и я долженъ былъ принять его на нашихъ границахъ.. Но мы не станемъ васъ болѣе беспокоить... (притворяется будто хочетъ уйти).

ТЕНОРСКІЙ. Помилуй... что это значить?

ГРАФЪ (ему на ухо). Я знаю, что дѣлаю, не мѣшай мнѣ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Куда же вы, графъ?.. Вы меня несколько не беспокоите... прошу васъ остаться, и гостя вашего тоже...

ТЕТУШКА (тихо ей) Лена... что тебѣ за фантазія?.. Артистъ!..

ГРАФЪ (будто противъ воли). Въ такомъ случаѣ... позвольте васъ благодарить и представить вамъ моего друга, Тенорскаго; онъ только что возвратился въ Россію послѣ долгаго отсутствія... онъ одинъ изъ нашихъ будущихъ замѣчательныхъ живописцевъ... (раскланиваются).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. У артиста не надо спрашивать откуда онъ, ужъ безъ сомнѣнія изъ Рима?

ТЕНОРСКІЙ. Точно такъ, но забѣгалъ по дорогѣ въ Александрію и Каирь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. По дорогѣ? (смѣется). Но зачѣмъ васъ Богъ туда понесъ, снимать потреты съ сфинксовъ или съ мумій?..

ТЕНОРСКІЙ. Смотрѣть на пирамиды и вспоминать, что одна изъ нихъ была сложена по волѣ и приказанію женщины, которая тѣмъ хотѣла показать міру, что власть одной красавицы могла равняться съ властью нѣсколькихъ поколѣній Фараоновъ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Прибавьте—тому назадъ три тысячи лѣтъ!.. Теперь ужъ женщины не имѣютъ такого вліянія!

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ слово, которое я принимаю за обиду всему роду человѣческому! Оно показываетъ вмѣстѣ и сомнѣніе, и пренебреженіе; оно доказываетъ, что вамъ еще не угодно было велѣть намъ выстроитъ въ честь вашу пирамиду.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ужъ не въ Египтѣ ли вы научились лѣстить такъ немилосердо?..

ТЕНОРСКІЙ. Если я сказалъ что-нибудь неумѣстное, то прошу всего

вашего снисхожденія, вы говорите съ дикаремъ!.. Я теперь прямо изъ песковъ Сахары, провель тамъ три мѣсяца съ бедуинами и выучился у нихъ говорить просто все, что думаю и чувствую, не соображая, о чемъ слѣдовало-бы умолчать!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Востокъ извѣстенъ своею страстью къ преувеличенію, вотъ что мнѣ объясняетъ вашу рѣчь... Однако, что же мы стоимъ?.. сядемте, пожалуйста... Графъ, а вы?.. *(всѣ садятся. Тетушка опять принимается за книгу, но иногда поглядываетъ на Елену Петровну; Графъ въ сторонѣ непринимаетъ никакого участія въ разговорѣ).*

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Но я все не могу понять, какъ вы бросили вдохновительную Италію и очутились въ Африкѣ: что васъ туда влекло, такъ далеко отъ вашихъ трудовъ?

ТЕНОРСКІЙ. Я началъ картину, въ которой солнце заходило въ румяномъ блескѣ, пожемъ на зарево... вдругъ наступила зима, и я даже въ Италію не могъ дожидаться такого заката, какой былъ мнѣ нуженъ... Солнце капризный и упорный натурщикъ, его не заманишь въ мастерскую, я и разсудилъ, что ждать мнѣ его слишкомъ долго, и самъ отправился къ нему въ Алжирь...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. П попали въ Сахарскія пустыни?..

ТЕНОРСКІЙ. Захотѣлось поохотиться за львами и попробовать кочевой жизни подъ шатрами бедуиновъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Конечно, вы тамъ нашли много прелестныхъ лицъ для вашего альбома? Кто лучше: мавританки или бедуинки?..

ТЕНОРСКІЙ. Рѣшите сами: когда смотришь на гордую и строгую бедуинку, полную энергіи и мужественной отваги, то чувствуешь неодолимое желаніе вызвать ее на дуэль, раздражить, разсердить ее, какъ тигрицу, и сражаться съ нею до послѣдней капли крови, чтобъ только любоваться ея гнѣвомъ, ея сверкающими очами... Но когда видишь томную и страстную мавританку, изнемогающую подъ утомительною лѣнью, то хочется броситься къ ея ногамъ, чтобъ только улечься мягкой подушкой у этихъ крошечныхъ ногъ, выгоченныхъ изъ янтаря... Что до меня, я не берусь отдать первенства ни той, ни другой...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Какъ послѣ такихъ женщинъ должны вамъ казаться безцвѣтны и незначущи всѣ блѣдныя женщины сѣвера!.. Мы вѣрно теряемъ въ вашихъ глазахъ столько же, сколько наше холодное солнце предъ знойнымъ солнцемъ, которое вы отыскивали въ тѣхъ пламенныхъ краяхъ?..

ТЕВОРСКИЙ (*вставая*). Противоположности еще больше выставляют разнородныя качества и приманки двухъ крайностей...

У шумящихъ фонтановъ,
 При закатъ дня,
 На привалъ каравановъ
 Любовался я.
 Какъ стѣнные газели
 Бедуинки летѣли,
 И ихъ очи блестяли
 Молнией на меня.

Дышуть нѣгою знойной
 Смуглыхъ дѣвъ черты,
 Взоръ сулитъ безпокойный
 Страстныя мечты...
 Не поклонникъ Пророка
 Я отдамъ дѣвъ Востока
 За лазурное око
 Русской красоты.

Пусть плѣняетъ артиста
 Африканскій день,
 Неба блескъ золотистый,
 Стройной палъмы тѣнь, —
 Край приманкой богатый
 Я отдамъ безъ возврата
 За дымокъ русской хаты,
 За родную сѣнь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Полно такъ ли?

ТЕВОРСКИЙ (*живо, приложивъ руку къ сердцу*). Могу вамъ по-божиться, что это сказано отъ души!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*взглянувъ на него краснѣетъ и отворачивается*). Вамъ, артистамъ, всегда надо вѣрить вполонину; живость вашихъ впечатлѣній увлекаетъ васъ самихъ, и вы способны очень искренно противорѣчить сами себѣ по нѣскольку разъ въ день, находясь всегда подъ вліяніемъ настоящей минуты...

ТЕНОРСКІЙ. Когда эти минуты не вѣзались вѣчнымъ воспоминаніемъ въ наше сердце!.. Но согласитесь, что такія воспоминанія были бы намъ нездоровы: мы такъ живо чувствуемъ, сами вы сказали, чтожъ бы съ нами было, если бѣ мы долго чувствовали?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, ужъ это общее условіе! Все что очаровательно на мигъ, скоро насъ покидаетъ: весна, молодость, восторгъ, страсть... остается съ нами лишь то, что скучно...

ГРАФЪ (*вслушавшись*). Напримѣръ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*равнодушно*). Напримѣръ... (*живо и съ неудовольствіемъ*). Ахъ, графъ, избавьте, ради Бога, отъ примѣровъ.

ГРАФЪ. Я съ намѣреніемъ предложилъ мой вопросъ: вы не замѣтили сами, какъ необязательна была ваша фраза для тѣхъ людей, которые постоянно при васъ находятся... Вы будто помѣщали ихъ въ категорію всего скучнаго... а вы такъ любезны, что вѣроятно не имѣли намѣренія, и только не нарочно...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ пренебреженіемъ*). Почему же вы полагаете, что не нарочно?..

ГРАФЪ. Потому что слишкомъ почитаю васъ, чтобъ осмѣлиться думать, что вы такъ дешево цѣните все солидное въ жизни...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, Боже мой! опять замысловатые споры.. опять придирки къ каждому слову!.. Графъ, предупреждаю васъ, что у меня и такъ отъ давишняго разговора голова разболѣлась; и что мнѣ нужно развлеченіе... Пожалуйста, не мучьте меня!

ГРАФЪ (*съ досадою*). Вы называете мукою самое скромное замѣчаніе!

ТЕНОРСКІЙ (*въ сторону*). Это называютъ влюбленными людьми! Хороша любовь!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*сложивши руки*). Умоляю васъ, оставьте меня въ покоѣ... хоть на одинъ день! или это вамъ такъ мудрено?

ГРАФЪ. Отъ васъ завнентъ приказать... я сейчасъ уйду... но мнѣ странно, что я лишній между вами и лучшимъ моимъ другомъ...

ТЕНОРСКІЙ. Помилуй, графъ, что съ тобою?

ГРАФЪ (*горько*). О, ты слишкомъ добръ, что замѣчаешь!.. Я думалъ, что ты ужъ такъ занятъ соимъ разговоромъ, что тебѣ не до меня!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*въ сторону*). Ахъ, какое съ нмъ надобно имѣть терпѣніе! Онъ всегда таковъ, когда видитъ, что не имъ однимъ занимаются исключительно. (*громко*). Графъ, послушайте прекрасное предложеніе: вашъ другъ давно не былъ въ Петербургѣ, ему пріятно будетъ видѣть, какъ похорошѣли наши дачи, острова. Пойдемте гулять...

ТЕНОРСКИЙ. Прекрасная мысль! Я очень радъ .

ГРАФЪ. Помилуйте, въ этотъ жаръ итти пѣшкомъ! Я не будуиць, миѣ не въ мочь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я велю заложить мой лондонскій шарабанъ, мы всѣ можемъ въ него помѣститься... Тетушка, вѣрно, не откажется: она такъ добра!.. Тетушка, угодно вамъ прокатиться?

ТЕТУШКА. Я вездѣ готова за тобою, прикажи закладывать... свѣжій воздухъ и прогулка меня разсѣять .. Десятое письмо отъ Юліи къ Кларѣ меня разстроило, оно такъ пѣжно и такъ грустно!..

ГРАФЪ. Елена Петровна! Юлія Романовна, смилуйте! Вы совсѣмъ замучили новую четверню вашу и вечеромъ вамъ нельзя будетъ на ней поѣхать въ Парголово...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. И то правда!.. Какъ досадно! Но мы можемъ ѣхать теперь верхомъ...

ГРАФЪ. Кавалькада утромъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ?.. чтобъ насъ приняли, за дикарей?.. Кто изъ дому показывается утромъ на лошади?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы опять правы! Это не принято!.. Но я не вижу почему бы намъ не прокатиться въ лодкѣ около всѣхъ острововъ? Это не оскорбитъ устава моды, я надѣюсь?..

ГРАФЪ. Чтобъ насъ всѣхъ закачало до головокруженія? А у васъ же безъ того голова болитъ... Нѣтъ, я покорный слуга, совершенно отказываюсь отъ такой идиллической забавы!..

ТЕНОРСКИЙ. Какой же ты несговорчивый сталъ!.. и противъ дамы... Право, сами бедуины гораздо любезнѣе...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (съ досадою). О, у вашего пріятеля ужъ такой нравъ! Онъ не любитъ для другихъ жертвовать минутою своего спокойствія; ему вѣчно нѣкогда, или нельзя... Когда случится приглашать его куда нибудь, для него то слишкомъ холодно, то слишкомъ жарко... За то онъ солидный человекъ!..

ТЕНОРСКИЙ (тихо графу). Помилуй, женихомъ ты таковъ, что же будетъ, когда женишься?..

ТЕТУШКА (которая внимательно смотрѣла на все происходящее). Графъ, пожалуйста миѣ вашу руку и проводите меня; я засидѣлась, миѣ нужно прогуляться.

ГРАФЪ (неохотно подходитъ къ ней). Къ вашимъ услугамъ...

ТЕТУШКА (тихо, уходя съ нимъ). Вы сами портите свои дѣла... Можно ли быть такимъ несноснымъ?..

VI.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА И ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ. Онъ всегда у васъ такъ милъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*пожимая плечами*). Это его нормальное положеніе.

ТЕНОРСКІЙ. И безъ всякихъ причинъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Онъ встаетъ скучный, является ко мнѣ скучающей, зѣваетъ каждыя пять минутъ, безпрестанно глядитъ на часы, кушаетъ очень исправно, говоритъ мало, и дуется, когда при немъ другіе не скучаютъ. Вотъ вамъ монографія вашего друга. Впрочемъ, справедливость требуетъ, чтобъ я прибавила, что онъ очень добрый, очень вѣрный, очень преданный мнѣ другъ, и самый благородный человѣкъ, какого можно найти только въ цѣломъ мірѣ!

ТЕНОРСКІЙ. И... вы...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Спрашивайте, спрашивайте, я чувствую себя въ припадкѣ откровенности... Къ тому же, вы пріѣхали такъ недавно и уѣзжаете такъ скоро, что съ вами надо поторопиться быть откровеннѣе, иначе, пожалуй, и не успѣшь!

ТЕНОРСКІЙ. Къ тому же откровенность съ проѣзжимъ неопасна, не успѣшь въ ней раскаться. Не то ли вы хотѣли сказать?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*улыбаясь*). Кто васъ проситъ отгадывать то, чего и въ помышленіи у меня не бывало?.. Но вы ошиблись, я вамъ скажу просто и искренно, что есть люди, съ которыми сходишься въ полчаса, въ замѣнъ тѣхъ многихъ, съ которыми двадцать лѣтъ знакомишься и никогда не сойдешься. Вы, сами, не знаю почему, внушаете мнѣ довѣріе, вы другъ вашего друга, и такъ какъ дѣло идетъ о немъ, я вправѣ почитать себя въ званіи третьяго друга между вами обоими. Въ этомъ званіи, вы для меня старый знакомый!

ТЕНОРСКІЙ. Душевно радъ!.. Мнѣ самому кажется, что я давно васъ знаю, давно пріѣхалъ, такъ мнѣ у васъ какъ-то пріятно и легко!.. Даже не знаю навѣрное, помню ли я еще, что мнѣ должно ѣхать опять, и когда?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Полноте думать объ отъѣздѣ, погостите лучше здѣсь. Вы оживите хоть немного нашу умственную пустыню. Вы ужъ довольно видѣли, чтобъ понять, какъ однообразно мы проводимъ время! Вы застали всѣхъ насъ въ располхъ, среди нашей вседневной жизни, и вотъ ужъ выскли въ нее, какъ будто давно въ ней участвуете, стало быть, предъ вами я могу говорить свободно... Но вы хотѣли сдѣлать мнѣ какой-то вопросъ?

ТЕНОРСКИЙ. Я думалъ у васъ спросить, давно ли вы невѣста графа Дмитрія Звонскаго?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Какъ, развѣ я его невѣста?

ТЕНОРСКИЙ. Ради Бога, простите меня, если мой вопросъ не скроменъ. Мнѣ Дмитрій самъ сказалъ о вашихъ отношеніяхъ, и я не думалъ, я не предполагалъ, что это еще покуда тайна!.. Надѣюсь, что вы не разсердитесь?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я и не думаю сердиться, я просто разсуждала сама съ собою; вы навели меня нечаянно на этотъ осмотръ совѣсти: я спрашиваю себя, точно ли я невѣста графа Звонскаго?..

ТЕНОРСКИЙ. Но вѣдь вы выходите за него замужъ, это ужъ было такъ рѣшено?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Помнятся, точно, когда-то было, но съ тѣхъ поръ...

ТЕНОРСКИЙ. Въ свою очередь, умоляю васъ продолжать...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Съ тѣхъ поръ обстоятельства сблизили насъ и въ тоже время удалили другъ отъ друга... Мы видимся такъ часто, такъ хорошо знаемъ одинъ другаго, что я не понимаю возможности и надобности соединиться еще тѣснѣе... Привычка ладить съ характеромъ графа и... и страдать иногда отъ него, эта привычка такъ освоила меня съ нашимъ теперешнимъ положеніемъ, что мнѣ самой кажется иногда, что мы когда-то, очень давно, гдѣ-то... очень далеко... были ужъ обвѣнчаны, потомъ умерли, воскресли, и сошлись здѣсь покойниками, вдовцами одинъ другаго...

ТЕНОРСКИЙ (*очень серьезно и съ участіемъ*). Прикажете ли смѣяться, или велите мнѣ скорбѣть за васъ обоихъ въ слѣдствіе такого признанія?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*горько улыбаясь*). Какъ хотите, какъ сами знаете!.. Вы со стороны лучше меня можете видѣть и заключить, чего стоитъ такое странное положеніе двухъ человѣкъ, почти обреченныхъ провести вмѣстѣ свою жизнь!

ТЕНОРСКИЙ (*живо съ участіемъ*). О! я тутъ ничего, но вы... вы! Можетъ ли быть, чтобъ вамъ на долю выпалъ такой удѣлъ?.. Какъ онъ долженъ васъ тяготить!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. (*грустно*). Я вамъ призналась, что я какъ тѣнь въ Елисейскихъ поляхъ: тѣни ничего не чувствуютъ, онѣ только помнятъ... И я помню, что я когда-то тоже могла чувствовать, могла радоваться, надѣяться, любить, желать... теперь все это для меня давно прошедшее... я отжила!..

ТЕНОРСКІЙ. Еще одинъ вопросъ, и не бойтесь высказать правду честному человеку, который васъ пойметъ, который васъ спрашиваетъ не изъ любопытства, а изъ чистѣйшаго участія.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Спрашивайте.

ТЕНОРСКІЙ. Вы любите графа?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*нерѣшительно и запинаясь*). Д...д... Н...в... рѣшительно сама не знаю!..

ТЕНОРСКІЙ (*посль молчанія*). Я вамъ вѣрю. Вы или не хотите, или не смѣете читать въ самой себя!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*смѣло и съ увлеченіемъ*). Что я знаю, и въ чемъ я крѣпко увѣрена, это то, что я графа уважаю отъ всей души... желаю ему всякаго добра, готова отдать ему или за него многое, но только не жизнь мою, только не себя!.. Я солгу, если захочу сказать больше...

ТЕНОРСКІЙ. По крайней мѣрѣ, нравится ли онъ вамъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Онъ такъ безукоризненно хорошъ собою, такъ непринужденно ловокъ, статенъ, приличенъ, что, кажется, нѣтъ женщины, которая не отдала бы ему справедливости... Но эта самая безукоризненность меня бѣситъ... Видѣвши его разъ, знаешь его наизусть и на вѣки вѣковъ... Иногда мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ хоть какое нибудь отступленіе отъ его форменности и привычекъ, я бы дорого дала, чтобъ его галстухъ былъ дурно повязанъ, чтобъ его волосы не гладко лежали... А теперь онъ пугаетъ меня своею недвижностью и неизмѣнностью: это каменный гость Донъ-Жуана, это не живой человекъ!..

ТЕНОРСКІЙ (*поспѣшно взявъ ее за руку*). Вы его не любите! вѣтъ, вы его не любите!.. вы не можете его любить!.. Вы и онъ—двѣ разнородныя стихіи, вамъ сойтись, значить уничтожить одну чрезъ другую.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ увлеченіемъ*). Молчите, молчите, ради Бога, прошу васъ; не говорите мнѣ этого!.. я боюсь вашихъ словъ, боюсь собственныхъ размышленій, боюсь снять повязку съ моихъ глазъ... тогда я слишкомъ ясно прочитаю въ моемъ сердцѣ, и что я сдѣлаю съ горькою истиною, которую въ немъ найду!..

ТЕНОРСКІЙ (*съ горлчностью*). Но эта истина спасетъ васъ!.. но отвѣтъ сердца будетъ выкупомъ цѣлой вашей жизни. Я совѣтую вамъ, если смѣю совѣтовать... я прошу, умоляю васъ, будьте откровенны съ самою собою, не обманывайте себя и Дмитрія, для вѣчнаго, неисцѣлимаго несчастія обояхъ!.. Теперь еще время: выйдите силу разорвать не-закрѣпленную цѣпь, поздне—она васъ закуетъ такими оковами, какихъ

люди не будутъ въ состояніи разбить, да и самъ Богъ иначе не рушитъ, какъ чрезъ смерть...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Что жъ мнѣ дѣлать? я давно вижу, что мы не созданы другъ для друга... Я предчувствую, какъ трудна будетъ намъ обоимъ, и особенно мнѣ, жизнь вдвоемъ, подобная жизнь! Вотъ почему я всегда отлагала рѣшеніе нашей участи... Но какъ мнѣ выйти изъ затруднительнаго положенія? какъ разстаться съ графомъ?..

ТЕНОРСКІЙ. Имѣйте духъ сдѣлать ему откровенное и полное признаніе; какъ благородный человѣкъ, онъ васъ пойметъ, онъ *долженъ* васъ понять, оцѣнить вашъ поступокъ и даже быть вамъ благодарнымъ за доказательство вашего добровольнаго уваженія, вмѣсто любви, которой вы не вольны въ себѣ возбудить.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*нерешительно*). Сказать человѣку, что его не любишь... послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ съ нимъ на ногѣ полу-признаній, полу-привязанности!.. Нѣтъ! это слишкомъ не ловко для меня, слишкомъ обидно для него!

ТЕНОРСКІЙ. Но лучше ли, честнѣе ли оставлять его въ заблужденіи? но лучше ли вамъ обоимъ оставаться въ этомъ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ вы теперь—не друзья, не враги, не въ ссорѣ, не женихъ, вѣчно вмѣстѣ, и вѣчно за тысячу міровъ одинъ отъ другаго?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Знаете ли что, вѣдь онъ навѣрное воображаетъ, что я его люблю.

ТЕНОРСКІЙ. Тѣмъ хуже!.. Тогда долгъ велить вамъ вывести его изъ обмана. Съ какого права дѣлаете вы его смѣшнымъ предъ вами и передъ нимъ самимъ? Онъ думаетъ найти въ васъ любящую жену, вы введете въ домъ его сперва скучающую, потомъ скоро враждебную подругу!.. Нѣтъ! это положеніе недостойно ни васъ, ни его! Ваше признаніе можетъ его огорчить, ваше молчаніе его унижаетъ!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы правы!.. Вы пріѣхали сюда, чтобъ открыть глаза намъ обоимъ, чтобъ остановить насъ отъ неблагоразумія... Но одно меня еще удерживаетъ отъ искренняго объясненія съ графомъ: что скажетъ свѣтъ, что подумаютъ въ обществѣ? Вѣдь всѣ давно знаютъ, что графъ у меня бываетъ ежедневно, что вся наша родня, и моя и его, давно желаетъ нашей свадьбы... что я почти дала слово: мы сдѣлаемся баснею города на все лѣто!

ТЕНОРСКІЙ. Петербургское лѣто такъ коротко! Развѣ вамъ не останется средствъ занять чѣмънибудь другимъ праздно любопытство тѣхъ трехъ, четырехъ домовъ, откуда выходитъ то, что вы называете свѣтскими толками и общимъ мнѣніемъ? Подарите какуюнибудь неслыхан-

ную шляпку лучшей вашей пріятельницѣ и уговорите ее прокатиться въ ней по дачамъ, изъ преданности къ вамъ, и тотчасъ разговоры и вниманіе устремятся на нее, оставя васъ въ покоѣ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы опять правы! Все, что вы говорите, давно бродило въ умѣ моемъ и тревожило мое сердце... Но мы, женщины, часто боимся быть искренними даже съ собою... Я не смѣла дать хода моимъ мыслямъ, не вѣрила ихъ безпристрастной справедливости... теперь вы ихъ раздѣляете, и съ меня довольно уже одного свидѣтеля, чтобъ оправдать меня въ моихъ глазахъ...

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ ваша тетушка и графъ, они возвращаются въ громкомъ спорѣ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Уйдемте, я не въ состояніи теперь встрѣтиться съ ними. Мы отправимся будто смотрѣть картины въ моемъ кабинетѣ!..
(Уходятъ къ балкону Елены Петровны.)

VII.

ТЕТУШКА И ГРАФЪ входятъ съ противоположной стороны, занятые жаркимъ споромъ.

ГРАФЪ (*стараясь урвать отъ тетушки*). Нѣтъ, Юлія Романовна, не смотря на все мое уваженіе къ вашей особѣ, я не могу раздѣлять вашего мнѣнія. Я вовсе не признаю себя виновю переменъ вашей племянницы ко мнѣ... это капризы съ ея стороны, просто капризы... Я...

ТЕТУШКА. Вы... вы... то есть упрямы, самонадѣянны, самолюбивы... какъ настоящій человѣкъ вашего поколѣнія. Нѣтъ, прежде мужчины не такіе бывали и не такъ себя вели! Изъ чего вы сердитесь теперь? что такое случилось?

ГРАФЪ. Какъ, развѣ вы не замѣтили?.. Они уходятъ, когда мы пришли. Вѣдь это нарочно!

ТЕТУШКА. Я и сама такъ полагаю. Да что жъ тутъ обиднаго для васъ? Развѣ мы съ вами не уходили?

ГРАФЪ. О, это совсѣмъ другое дѣло! Мы съ вами... мы съ вами почти родня... Мы оставили ихъ, чтобъ посмотрѣть, какъ она... какъ онъ... какъ они...

ТЕТУШКА. Какъ они знакомились и бесѣдовали, по вашему желанію; чтожъ тутъ страннаго?..

ГРАФЪ. Ничего! но развѣ вы не замѣчаете, какъ Елена Петров-

на развеселилась и разлюбезничалась вдругъ, и съ кѣмъ же? съ чело-
вѣкомъ, котораго видить въ первый разъ?..

ТЕТУШКА. Съ вашимъ давнишнимъ другомъ, котораго она прини-
маетъ какъ гостя, учтиво и мило. Неужто вы ревнуете?

ГРАФЪ. Кто, я? Избави Боже... мнѣ ревновать и къ тому же
Тенорскаго... артиста, проѣзжаго. Нѣтъ, это слишкомъ не похоже на
меня; но я нахожу, что женщинѣ, какъ Елена Петровна, что мо-
ей будущей женѣ не прилично такъ вести себя... не прилично знако-
миться и сближаться съ кѣмъ бы то ни было... Я ожидалъ отъ нея
больше достоинства, больше недоступности. (Однако куда же они ушли?..
(оглядывается)).

ТЕТУШКА. Вѣрно Леночка показываетъ ему свою дачу...

ГРАФЪ. Нѣтъ, они вышли изъ гостиной, они на балконѣ... *(опять
идетъ смотреть за кулисы)*.

ТЕТУШКА. Ну, такъ она показываетъ ему садъ.

ГРАФЪ. Но вѣдь это неприлично, не кетати!.. Они одни!..

ТЕТУШКА *(со смѣхомъ)*. А здѣсь насъ сколько же, позвольте уз-
нать?..

ГРАФЪ *(возвращается)*. Но вы... но я... но мы...

ТЕТУШКА *(въ сторону)*. Изъ себя выходить!.. Тѣмъ лучше. Про-
должай, мой батюшка, это тебѣ здорово. Въ мой вѣкъ вашу братью
нарочно заставляли ревновать, чтобъ вы не скучали...

ГРАФЪ *(въ сильномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ)*. Не итга
ли мнѣ къ нимъ?

ТЕТУШКА *(съ ироніей)*. Что ты, что ты, мой свѣтъ? Вы съ Ле-
ночной разстались въ ссорѣ и ты первый пойдешь ее отыскивать?..
Да это значило бы забывать свое достоинство!.. Подумай, прилично ли
тебѣ дѣлать первый шагъ къ примиренію?

ГРАФЪ *(все ходитъ и суетится)*. Вы правы, негодится... да
и не зачѣмъ, вѣдь я совершенно спокоенъ на счетъ Елены Петровны...
Она хоть и сердита на меня, но это ничего не значить... мы сего-
дня-же помиримся. Но что-жъ они такъ долго?..

ТЕТУШКА. Полно тебѣ все высматривать; право, подумаешь, что
ты не шутишь ревнуешь! Какое торжество для Леночки, если бъ она
знала...

ГРАФЪ *(поспѣшно возвращается)*. И не думаю ревновать, это
было бы смѣшно и глупо до крайности!.. Я только желаю знать, о
чемъ они толкуютъ такъ долго, и по видимому, такъ откровенно?

ТЕТУШКА *(съ притворнымъ простодушіемъ)*. Можетъ быть о насъ
съ тобой; вѣдь мы говорили же о нихъ все время.

ГРАФЪ (*дѣлаетъ знакъ нетерпѣнія*). Помилуйте! что жъ объ насъ имъ говорить?

ТЕТУШКА. Да ты и на меня сердисься?.. О, такъ Богъ съ тобою, мой батюшка! Оставайся себѣ въ дурномъ духѣ, я тебѣ мѣшать не стану! (*садится, надѣваетъ очки и беретъ свою книгу; графъ ходитъ, какъ угорьльый, и по временамъ наблюдаетъ у кулисы*).

ГРАФЪ (*въ величайшемъ волненіи*). Очень нужно было пріѣзжать этому Тенорскому!

ТЕТУШКА (*читал громко*). «Письмо XXVI, отъ Сен-Пре къ Юлія. Какъ мое положеніе измѣнилось въ нѣсколько дней!.. Сколько горечи примѣшивается къ сладости моего приближенія! О Юлія!.. Тотъ, кто награжденъ чувствительною душою, долженъ приготовиться найти много горя и страданія на землѣ!»

ГРАФЪ. Охота была мнѣ такъ ему обрадоваться и представить его!.. Вотъ и награда: для него забываютъ мое присутствіе, мое существованіе!

ТЕТУШКА (*читаетъ*). «Таково жестокое положеніе, въ которое повергаетъ меня враждебный рокъ: видѣть тебя и не владѣть тобою, быть любимымъ и не быть счастливымъ, жить близъ тебя, но не вмѣстѣ съ тобою!.. О Юлія, отъ которой я не могу отказаться, о судьба, которой я не могу превозмочь!»

ГРАФЪ. Это просто смѣшно; она забыла всякое уваженіе ко мнѣ. Я долженъ, я хочу знать наконецъ, въ какомъ отношеніи мы другъ къ другу и чѣмъ все это кончится?

ТЕТУШКА (*читаетъ*). «Между скалами сего берега, я нашелъ въ уединенномъ убѣжищѣ небольшое возвышеніе, съ котораго взоръ мой открываетъ блаженный городъ, въ которомъ она обитаетъ».

ГРАФЪ (*опять смотря за кулисы*). Они у берега и собираются, кажется, кататься въ лодкѣ!

ТЕТУШКА (*читаетъ*) «Только одно слово прибавлю я, о восхитительная Юлія! Ты знаешь древній обычай скалы Левкадской, сего поелдьяго убѣжища несчастныхъ любовниковъ?.. Сіе мѣсто похоже на окрестности Левкады: здѣсь тоже крутая скала... здѣсь тоже глаубокія воды,—а я въ отчаяніи!»

ГРАФЪ (*беретъ шляпу*). Такъ и я поѣду съ ними!.. (*останавливается*). Но въ этотъ жаръ, на солнцѣ!.. и что подумаютъ, если меня встрѣтятъ?..

ТЕТУШКА (*утираетъ глаза*). Какой слогъ! какія чувства! Вотъ истинная любовь!.. Но я не этого письма искала... Мнѣ хочется перечитать еще разъ несравненный рассказъ о приключеніи въ боске-

тѣ... онъ освѣжить мои мысли отрадною картиною истиннаго счастья, награждающаго вѣчную любовь... А, вотъ письмо о боскетѣ...

ГРАФЪ. Они ушли отъ лодки... они повернули въ аллею... она опирается на его руку... Чортъ бы его унесъ!..

ТЕТУШКА (*читая*). Вотъ и письмо о приключеніи, нашла, нашла! «Подходя къ боскету я замѣтилъ, не безъ тайнаго волненія, ваши условные знаки, ваши взаимныя улыбки...»

ГРАФЪ. Что я вижу? онъ шепчетъ ей что-то на ухо... она улыбается... цѣтъ! это ужъ слишкомъ! Я ейчасъ...

ТЕТУШКА (*читаетъ почти со слезами*). «Но что стало со мною, когда вдругъ.. я почувствовала сладостную дрожь... и горячія уста твои, слившись съ моими, напечатлѣли имъ огненный поцѣлуй!»

ГРАФЪ (*оборачивается съ крикомъ изступленія*). Какъ, что? Что вы сказали, поцѣлуй?! Онъ смѣлъ... онъ смѣлъ... (*подбѣгаетъ къ тетускѣ, схватываетъ ее за руку и сильно трясетъ ее*). Какъ вы сказали? онъ поцѣловалъ ее? она позволила?..

ТЕТУШКА (*встаетъ съ крикомъ испуга*). Ахъ, мой батюшка!.. не съ ума ли ты сошелъ?.. Что съ тобою слѣзлось? Съ чего ты меня такъ испугалъ?..

ГРАФЪ (*съ яростію*). Повторите, повторите! Онъ ее поцѣловалъ?..

ТЕТУШКА. Ну, да! поцѣловалъ! что-же такое? Развѣ это не всегда такъ случается?

ГРАФЪ. Что-жъ такое вы говорите? Такъ по вашему — ничего? Прекрасныя правила! Я послѣ этого не удивляюсь, что ваша племянница себѣ позволяетъ такое поведеніе... Но въ ваши годы прилично ли позволять; должно ли оправдывать такія непростительныя вольности?..

ТЕТУШКА. Да я-то чѣмъ виновата?.. Вотъ взбѣленился!.. Оставь меня, батюшка; точно бѣшенный какой. Глаза такъ и горятъ. Просто глядѣть на тебя не могу. (*закрываетъ себѣ глаза рукою*). Фи, страсти какія!.. Ну, что-жъ, поцѣловалъ, такъ поцѣловалъ, да и дѣло съ концемъ. Великая бѣда!.. Да тебѣ-то что?

ГРАФЪ. Какъ мнѣ-то что? И вы хотите, чтобъ я допустилъ мою невѣсту...

ТЕТУШКА (*всплеснувъ руками*). Твою невѣсту! Ужъ ты теперь собрался жениться на Новой Элонзѣ?..

ГРАФЪ (*въ сторону*). Съ ума сошла! Романы ее сбили съ толку... (*громко*). Кто вамъ говорить о Новой Элонзѣ? Бросьте ее!.. Вы сами видѣли, какъ они поцѣловались?..

ТЕТУШКА. Сама, батюшка... то есть, не видѣла, а вотъ тутъ прочитала... (*показываетъ ему на книгу*).

ГРАФЪ. Прочитала? Гдѣ? что?.. Про кого вы говорите?..

ТЕТУШКА. Про Юлію и Сенъ-Прё... вѣдь они встрѣтились въ боскетъ...

ГРАФЪ. Какъ, не про Елену Петровну?.. Не она позволила Тенорскому...

ТЕТУШКА (*съ гнѣвомъ*). Да что ты, батюшка, что съ тобой?.. Не стыдно ли тебѣ такіе ужасы рассказывать про мою бѣдную Леночку?.. Вѣдь это просто грѣхъ!

ГРАФЪ. Какъ я рассказываю?.. Да не вы ли же сами закричали, что они поцѣловались!..

ТЕТУШКА. Онъ, то есть Сенъ-Прё, поцѣловалъ ее, то есть Новую Элоизу, Юлію д'Этанжъ!..

ГРАФЪ (*совершенно успокоившись и съ обычною флегмой*). Только-то!.. Боже мой! Стоило же меня такъ пугать?..

ТЕТУШКА. Нѣтъ, это ты меня испугалъ, когда бросился, какъ сумасшедшій.

ГРАФЪ. Ахъ, Юлія Романовна, простите меня великодушно... Право, я не знаю, что дѣлаю... еще меньше знаю, что мнѣ дѣлать...

ТЕТУШКА. Это и видно, мой батюшка!.. Я ужъ цѣлый часъ уговаривала тебя успокоиться, но ты ни какихъ резоновъ не принимаешь...

ГРАФЪ. Вамъ легко говорить!.. Вообразите себя на моемъ мѣстѣ!..

ТЕТУШКА (*качая головой*). Славное было бы мѣсто, когда бъ ты самъ его не портилъ своими странностями!.. А все гордость ваша проклятая! Чтобы признаться, по просту безъ затѣй, что ты ревнивъ, и послать меня на выручку, а то нѣтъ, все отпираешься, самолюбіе не позволяетъ... не прилично быть ревнивымъ!.. Самъ изъ себя выходить, да меня же тутъ измучилъ и все изъ пустяковъ. По моему, Леночка очень умно поступаетъ.

ГРАФЪ. Очень умно! Покорно благодарю. Что-жь тутъ умнаго, что она кокетничаетъ съ другимъ, когда знаетъ, что я тутъ и жду ее?

ТЕТУШКА. Ты съ утра, Богъ знаетъ, въ какомъ расположеніи—блажилъ, капризничалъ, мудрилъ, словомъ, вывелъ бѣдную женщину изъ терѣнія; она мститъ тебѣ, это очень естественно. А что, если она хочетъ тебя испытать?..

ГРАФЪ (*безпечно*). Испытать меня? съ какой стати?..

ТЕТУШКА. Ужъ это нашъ женскій секретъ. Но мнѣ жаль тебя!

поди, пошли мнѣ мою племянницу, а самъ займись твоимъ гостемъ, да не показывай, что ты сердить; будь съ нимъ какъ можно ласковѣе и развязнѣе; а о твоихъ дѣлахъ ужъ я постараюсь, такъ и быть!

ГРАФЪ. Что вы хотите дѣлать?

ТЕТУШКА. Это мой секретъ. Положись только на меня, я ничего не испорчу! Ступай, дѣлай по моему, все будетъ хорошо

ГРАФЪ. Повинуюсь вамъ; пойду любезничать во что бы то ни стало. А вы не забывайте моихъ выгодъ, помирите меня съ Еленой Петровной. (въ сторону). Изъ ея заступничества ничего не выйдетъ, но надо ее задобрить, чтобъ она мнѣ, по крайней мѣрѣ, не мѣшала!.. А я объяснюсь потомъ съ Еленой Петровной и заставлю ее понять всю несообразность ея поведенія... Она привыкла слѣпо вѣрить моему мнѣнью.

VIII.

ТЕТУШКА одна.

Чудакъ!.. а впрочемъ славный человекъ и мнѣ очень жаль будетъ, если Леночка не сумѣетъ удержать его... Не онъ виноватъ, а мода, его воспитаніе! Въ наше время мужчины были нѣжише и любезнѣе. это правда; за то и мы... мы сами были умнѣе и хитрѣе: умѣли заставлять ихъ плясать по своей дудочкѣ!..

Бывало, насъ любили.

Десять лѣтъ наши цѣпи носили,

Богинями мы были,

Безъ горя, безъ заботъ,

Но нынче вѣкъ не тотъ!

Мужчины отдыхаютъ,

Поютъ, ѣдятъ, спятъ, играютъ, зѣваютъ,

А женщины, вздыхаютъ,

И скука ихъ гнететъ!..

Нѣтъ! нынче вѣкъ не тотъ!

Поклонникъ для свиданья

Двадцать верстъ пролеталъ безъ роуланья,

Авось предметъ желанья
Въ окно ему кивнетъ!
Но нынче вѣкъ не тотъ!

Тенерь любить не мода!
Бѣдныхъ женщинъ не цѣнять уроды,
Имъ клубъ, да картъ колода,—
Любовь пусть подождетъ!..
Фи!.. нынче вѣкъ не тотъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не тотъ!

Теперь ни учтивости прежней, ни ухаживаній, ни деликатности!..
Поглядишь, дамы и кавалеры вмѣстѣ курятъ, вмѣстѣ болтаютъ всякій
вздоръ, словно школьные товарищи, другъ съ другомъ безъ фасона..
Что-жь мудренаго, что нѣтъ никакого уваженія къ прекрасному полу?..
Прежде бывало, въ мое время:

Мужчина средь салона
Лишь замѣтитъ явленье робъ-рона,
Отвѣситъ три поклона, *(кланяется какъ мужчина)*.
И къ ручкѣ подойдетъ....
Жаль, нынче вѣкъ не тотъ!

А дама присѣдаетъ, *(чинно и манерно присѣдаетъ)*.
Томный взоръ лишь чуть-чуть поднимаетъ,
И вѣромъ играетъ,
И губки нѣжно жметъ....
Ахъ! нынче вѣкъ не тотъ!

Косматый левъ надменно
Дернетъ руку у дамы почтенной,
А та глядитъ смиренно,
Невѣждѣ лапу жметъ!....
Фи! нынче вѣкъ не тотъ!
Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не тотъ!

Чего же послѣ этого ожидать добраго отъ молодыхъ мужчинъ?....
Жмутъ у женщинъ руку! да это просто свѣтъ вверхъ дномъ пошелъ!....
Графъ ужь тѣмъ хоть отличается отъ другихъ, что смотреть не

сорванцемъ!.. Къ тому же онъ лѣнивъ, безпеченъ, любитъ, чтобъ за него думали, за него хлопотали.... Эти качества неоцѣнены въ мужѣ. Леночка еще не понимаетъ, какъ они впередъ ей пригодятся въ супружеской жизни!... Мое дѣло понять за нее и дѣйствовать въ ея пользу. Вѣдь наконецъ я ей добра больше желаю, чѣмъ ея жениху; ея счастье мнѣ дороже; устроить бы только его, а о счастіи ея будущаго мужа не мое дѣло заботиться. на то есть свое счастье!.. Пусть Богъ дастъ ему всего хорошаго!... Конечно, я и ему зла не желаю, но мужчины на то и мужчины, чтобъ за самихъ себя стоять!.... Главное въ томъ, чтобъ уладить поскорѣе эту свадьбу!....

—

IX.

ТЕТУШКА. ЕЛЕНА ПЕТРОВНА.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы меня спрашивали, милая тетушка?

ТЕТУШКА. Да, я хочу поговорить съ тобою.... пожурить тебя немножко!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Пожурить? за что?

ТЕТУШКА. За твою чрезмѣрную жестокость къ бѣдному графу. Вѣдь онъ изъ себя выходитъ! Какъ тебѣ его не жаль?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (смѣясь). Какъ вамъ не стыдно объ немъ жалѣть? Если онъ не въ духѣ, то это для меня не новость, — и для васъ тоже, надѣюсь; но изъ себя выходитъ, воля ваша, онъ неспособенъ, это не въ его средствахъ; онъ слишкомъ хладнокровенъ, слишкомъ любить свой дорогой комфортъ! Теперь, скажите же, въ чемъ состоитъ моя жестокость?

ТЕТУШКА. Послушай, ты его хотѣла проучить, это не бѣда, напротивъ, я тебя хвалю за это. Но согласись, что ты ужъ его довольно и прочула и помучила.... Пора переменить гнѣвъ на милость.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка, я васъ рѣшительно не понимаю! Божусь вамъ, что я совсѣмъ не помышляла ни учить, ни мучить графа..... Откуда вы это взяли?....

ТЕТУШКА. Полно, Леночка, что тебѣ за охота хитрить со мною?.... Ты меня не проведешь, я еще довольно женщина, чтобъ понять твои уловки.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (съ недоумѣніемъ). Въ фанты что-ли мы съ вами

играемъ, милая тетушка? Ваши слова для меня настоящая загадка: о какихъ хитростяхъ, о какихъ уловкахъ говорите вы?

ТЕТУШКА (*грозя ей пальцемъ*). Плутовка! такъ я и повѣрю, что ты все съ проста и говоришь и поступаешь?... Какъ бы не такъ!... (*въ сторону*). Она притворяется, проказница! Надо ее вывести на свѣжую воду! (*громко*). Я тебѣ говорю, что ты довольно отмстила графу и что пора его простить!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Отмстила, я, ему? Но какъ и чѣмъ?

ТЕТУШКА. Если это не мщеніе, такъ испытаніе, и въ такомъ случаѣ я тебя еще больше одобряю; но есть мѣра всему, пора перестать!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка, вы меня съ ума сведете вашими намеками. .. Ради моего спокойствія, не мучьте меня, говорите просто: въ чемъ дѣло?

ТЕТУШКА. Какое притворство!... И все даромъ! Меня-ли ты вздумашь увѣрить, что ты не для того кокетничала съ Тенорскимъ, чтобъ наказать графа за его капризы?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*смыльсь отъ души*). Вотъ прекрасная исторія!... Вотъ чудная выдумка!... Тетушка, милая тетушка, вы составили себѣ цѣлую комедію на нашъ счетъ, но только я не берусь ее разыгрывать; во-первыхъ я и не думала кокетничать съ Тенорскимъ, а во-вторыхъ, зачѣмъ же мнѣ наказывать этого бѣднаго графа? Онъ и такъ ужъ довольно наказанъ самъ собою!

ТЕТУШКА. Чтò это значитъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. То, что мнѣ было просто очень весело съ Тенорскимъ, который много видѣлъ, все помнитъ, хорошо рассказываетъ; онъ то смѣшилъ меня до слезъ, то заставлялъ задумываться, я то и другое стало мнѣ теперь въ диковинку; а графъ между тѣмъ сидѣлъ себѣ съ своей хандрой.... О! я ему не завидую; ему никогда не бываетъ такъ скучно, какъ когда онъ наединѣ съ самимъ собою!....

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Я вижу, что и ей нужно маленькое испытаніе; и ее не худо проучить, хотя бы за ея упрямство и недовѣрчивость!... (*громко*). Если ты не съ намѣреніемъ ушла отъ насъ, чтобъ наказать графа, то объясни мнѣ, какъ ты можешь быть такъ беззаботна и весела, когда въ ссорѣ съ тѣмъ, кого любишь?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ замѣшательствомъ*). Въ томъ-то и дѣло, что я его не люблю!

ТЕТУШКА. Не любишь? Вотъ новость!... Давно-ли?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Очень давно, потому что я никогда его не любила, но сама узнала про это только сегодня.

ТЕТУШКА (*насмѣшливо*). Съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ странствующимъ живописцемъ и краснобаемъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА Съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась разобрать внимательно неясныя прежде чувства, быть откровенной съ собою... Тетушка, вы вѣрно слышали о старомъ сравненіи про переполненную чашу, въ которую нельзя прибавить лишней капли, безъ того, чтобъ жидкость не пролилась? Вотъ вамъ истолкованіе моего сердца. Давно ужъ графъ надѣдаетъ мнѣ своими причудами, своею скукою, своимъ вѣчнымъ нерасположеніемъ; давно ужъ я нетерпѣливо переносила наше взаимное положеніе... но я молчала, я сдерживала свое неудовольствіе... Я не хотѣла начинать неприятныхъ объясненій... Сегодня чаша переполнилась: неприличное поведеніе графа вывело меня изъ границъ терпѣнія, я должна была внутренно сознаться, что онъ мнѣ наконецъ сталъ невыносимъ!

ТЕТУШКА (*съ притворнымъ равнодушіемъ*). Какая удивительная и трогательная симпатія между вами! Представь себѣ, что за мину-ту графъ мнѣ точно тоже говорилъ, слово въ слово. Онъ давно недоволенъ тобою, онъ видитъ, что ты его не любишь, онъ самъ уже не чувствуетъ къ тебѣ прежней привязанности....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ радостію*). Возможно ли! Ахъ, добрая, милая, любезная тетушка! Я васъ расцѣлую за такую пріятную новость! (*обнимаетъ нѣсколько разъ тетушку*).

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Экая плутовка! Хитритъ мастерски!.... У самой, чай, душа не на мѣстѣ, а притворяется восхищенной! но она меня не проведетъ. Посмотримъ, голубушка, я тебя проучу.... (*громко*). Я должна прибавить еще, что онъ, что твой женихъ.. что графъ.... (*останавливается будто въ нерѣшимости*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*живо*). Говорите, говорите, ради Бога!

ТЕТУШКА. Онъ боится за вашу общую будущность: ваши харак-теры такъ не сошлись....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я догадываюсь, онъ желалъ бы разрыва?....

ТЕТУШКА (*всматриваясь въ нее*). А еслибъ и въ правду такъ?....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ радостію*). Ахъ! Какое счастье! Какое избавленіе!.... (*снимаетъ съ руки кольцо*). Вотъ, возьмите поско-рѣ его кольцо, отдайте ему, сейчасъ-же. Я возвращаю ему его слово.... съ благодарностію. Я, кажется, люблю его за то,

что онъ меня не любитъ, за то, что онъ спасаетъ меня отъ себя... Скажите ему, что онъ благородный человѣкъ, что это умно и честно съ его стороны.

ТЕТУШКА. Можешь сама сказать, — вотъ онъ сюда идетъ (*въ сторону*) Настоящая комедія! Онъ мастерски играетъ роль равнодушія, — но посмотримъ, посмотримъ!....

—
X.

ПРИМІИЕ и ГРАФЪ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*робко, но весело подходитъ къ графу*). Дмитрій Кириловичъ, вашу руку!... Я всегда васъ уважала, но теперь чувствую, что мое уваженіе увеличилось.....

ГРАФЪ (*съ недоумльемъ*). Елена Петровна! Мнѣ пріятно видѣть въ васъ эти чувства.... Я съ своей стороны, готовъ забыть.... (*къ тетущкѣ*). Я знаю—это ваше дѣло, Юлія Романовна! вы сдержали ваше слово! какъ я вамъ благодаренъ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, да, это она, наша безцѣнная, наша добрая тетущка! Она наше благоразуміе, она спасаетъ насъ отъ глупости... (*тетущкѣ*) Отдайте же ему кольцо.

ТЕТУШКА (*въ недоумльнн*). Сейчасъ!.. (*въ сторону*) Я не ожидала отъ нея такой ловкости въ притворствѣ; это доказываетъ, какъ она его любитъ, потому—что одна любовь можетъ дать женщинѣ столько ума въ подобномъ случаѣ.

ГРАФЪ. Юлія Романовна! Елена Петровна! довершите ваше доброе дѣло: назначьте день моего счастья, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для всѣхъ насъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я васъ не понимаю!.. Тетущка, о чемъ онъ говоритъ?

ТЕТУШКА (*въ большомъ волненн*). Ахъ, Боже мой! онъ все испортилъ неумѣтнымъ вопросомъ! (*тихо графу*) Молчите и не противорѣчайте ей, я вамъ послѣ все объясню!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*тихо тетущкѣ*). Кольцо, кольцо! Что же вы не отдаете?..

ГРАФЪ (*въ сторону*). Рѣшительно ничего не понимаю.

ТЕТУШКА (*тихо Еленѣ Петровнѣ*). Довольно, довольно, Леночка... Ты ужъ его славно наказала! Смотри, какой онъ разстроенный! Теперь, прости его, я за него ходатай.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*тоже тихо*). Что съ вами, тетушка?.. Развѣ вы забыли нашъ разговоръ?

ТЕТУШКА (*въ страшно-мъ замѣшательствѣ*). Да вѣдь ты шутила? Ты хотѣла только продлить испытаніе?.. не такъ ли?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Помилуйте! Какія шутки! какое испытаніе!.. Я очень серьезно, очень рѣшительно хочу развязки!..

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Неужели она говоритъ правду?.. Нѣтъ, быть не можетъ! Я ничего тутъ не разберу. Попалась между ними и не выплечусь. (*Елень Петровна*) Дурочка, вѣдь ты его любишь, и онъ тебя также отъ души любитъ, вы повздорили, ну, и полно. Теперь помиритесь...

ГРАФЪ. О чемъ онъ такъ хлопочуть? Что за тайны?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка... вы поклялись меня съ ума свести... Надо же кончить. (*вырываетъ у нея кольцо и подходитъ къ графу*) Графъ, тетушка мнѣ передала вашъ разговоръ съ нею; я исполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе; я совершенно съ вами согласна. Мы не созданы другъ для друга... Мы не понимаемъ, мы не любимъ одинъ другаго, какъ нужно любить и понимать, чтобъ быть счастливыми въ супружествѣ. Въ такомъ случаѣ, разойтись мирно сто разъ благоразумнѣе и честнѣе, чѣмъ портить жизнь другъ другу. Вотъ вамъ ваше кольцо; я возвращаю вамъ съ нимъ ваше слово, но въ замѣнъ предлагаю вамъ мою дружбу, все мое уваженіе!..

ГРАФЪ (*въ недоумѣніи, отказываясь отъ кольца*). Елена Петровна, что это значить? Я не заслужилъ отъ васъ такой обиды, я не могу понять, за что вы меня хотите отвергнуть.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*показывая на тетушку*). Да не вы ли сами просили тетушку объяснить мнѣ ваше желаніе?.. (*тетушкѣ*) Тетушка, скажите, не вы ли говорили мнѣ отъ имени графа, что онъ мною доволенъ, что онъ хотѣлъ бы разрывать?

ГРАФЪ. Возможно ли? Я никогда... Юлія Романовна? Да я вѣдь просилъ васъ, напротивъ, помирить меня съ Еленою Петровной? (*оба держатъ ее съ двухъ сторонъ*).

ТЕТУШКА. Боже мой! смертный часъ мой пришелъ!.. Я не виновата! Я хотѣла все устроить къ лучшему... я думала васъ сблизить...

Вмѣстѣ { **ГРАФЪ**. Зачѣмъ же вы такъ жестоко переиначили мои слова?
 { **ЕЛЕНА ПЕТРОВНА**. Зачѣмъ же вы не повѣрили моимъ словамъ?

ТЕТУШКА. Да объясняйтесь вы, Бога ради, безъ меня; какъ знаете, такъ и дѣлайте. Я васъ совсѣмъ не понимаю, я ли въ замѣнъ, вы ли чрезъ чуръ мудрены, ужъ этого я не беру съ рѣшить... Мнѣ бажеться, оба вы не знаете, чего хотите, вы даже не знаете,

любите и другъ друга?.. Я думала, что Леночка испытываетъ графа, и хотѣла тоже ее помучить, чтобъ она скорѣе согласилась на примиреніе, вотъ и все. Гдѣ же тутъ бѣда?

ГРАФЪ. Вы слышите, Елена Петровна, это была шутка вашей тетуски, не наказывайте меня за чужую вину; возьмите назадъ ваше жестокое рѣшеніе и надѣньте опять мое кольцо.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Никогда! Сама судьба взялась развязать узелъ, котораго я не умѣла ни разсѣчь, ни распутать. Сегодняшній день только ускорилъ развязку, которая давно становилась необходима, и мы разоидемся, потому-что, по настоящему, никогда не сходились!.. Графъ Дмитрій Кириловичъ! Я знаю васъ довольно хорошо, чтобъ быть увѣренной въ вашей пріязни, въ вашемъ уваженіи. Я никогда не забуду нашей искренней и долготѣной дружбы. Забудьте вы другія предположенія, которыя могли бы только сдѣлать и васъ и меня равно несчастными на вѣки!.. Разстанемтесь друзьями: это единственное заключеніе, достойное насъ обоихъ!

ХІІ.

ТѢЖЕ, и ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ (*входитъ разспянно, распѣвая, и останавливается, увиди предстоящихъ*). Елена Петровна! графъ! Я пришелъ съ вами проститься: я возвращаюсь въ городъ; нѣтъ ли порученій?

ГРАФЪ. Нѣтъ... благодарю!.. Ну, куда ты спѣшишь? подожди, поѣдемъ вмѣстѣ.

ТЕТУШКА (*сердито*). Лучше бы вы никогда не пріѣзжали, мой батюшка! Настоящая косматая комета; только что несчастіе намъ принесла.

ТЕНОРСКІЙ. Что это значитъ? Какое несчастіе?

ТЕТУШКА. По вашей милости...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*перебивая*). У меня есть до васъ просьба и порученіе: заверните, пожалуйста, въ мой домъ, въ Милліонной, велите, чтобъ его приготовили—я завтра утромъ переѣду въ городъ.

ТЕТУШКА. Помилуй, у насъ 27 іюня, лѣто еще не начиналось!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Мнѣ тамъ будетъ удобнѣе для хлопотъ, для приготовленій... Надо будетъ просить паспорта, публиковаться въ газетахъ...

ГРАФЪ. Въ газетахъ? паспортъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*Тенорскому*). Ваши рассказы меня соблазнили: хочу видѣть Неаполь, Римъ... можетъ быть и Севилью!.. Я рѣшилась ѣхать на зиму за границу... Черезъ мѣсяцъ, зову васъ пить чай за русскимъ самоваромъ на лагунахъ Венеціи...

ГРАФЪ И ТЕТУШКА (*вмѣстѣ*). Такъ это не шутка?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Мы ей посмѣемся, когда я вернусь! Тетушка, я вамъ привезу вѣтку съ вишневаго дерева вашей Новой Элоизы, изъ Мейльери. Я непременно побываю тоже на берегахъ Лемана...

ТЕТУШКА. Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Я во всемъ виновата... Прости меня, прости его, (*показывая на графа*). Остайся, помирись!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы отперли клѣтку, ласточка улетѣла!.. другія ласточки ждутъ меня въ путь... Ловите ихъ, тетушка! Меня вамъ теперь не поймать!

ТЕТУШКА. Чтѣ за вѣкъ, чтѣ за люди?.. Я думала ихъ испытать, проучить...

ТЕНОРОКІЙ (*тихо ей на ухо*). Кто кого проучилъ?..

ГРАФЪ (*въ сторону со вздохомъ*). Да, кто кого проучилъ?..